

*Владимир
Колганов*

Превратности судьбы

Часть I. Лулу

Часть II. Дорога на Таити

18+

Владимир Колганов
Превратности судьбы

«Автор»

2020

Колганов В. А.

Превратности судьбы / В. А. Колганов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98943-6

Действие первой части романа происходит в 90-е годы. Влад, бабник и выпивоха, пробует разбогатеть на нелегальном бизнесе, однако встреча с Лулу, которая в силу обстоятельств оказалась вовлеченной в сферу секс-индустрии, заставляет его усомниться в правильности выбранного им пути. Влад спасает Лулу от сутенёров, но девушка куда-то исчезает. Действие второй части романа происходит через десять лет. Влад вроде бы получил всё, что хотел: у него приличный доход, он популярный писатель и пользуется успехом у красивых женщин. Приехав во Францию, Влад случайно встречает Лулу.

ISBN 978-5-532-98943-6

© Колганов В. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть I. Лулу	5
Глава 1. Незнакомка в лифте	6
Глава 2. Каждый вечер...	11
Глава 3. Когда наступает уик-энд	16
Глава 4. Исповедь Лулу	22
Глава 5. Припоминая...	26
Глава 6. Вопросы и ответы	31
Глава 7. В постели с Томочкой	35
Глава 8. Бритоголовая	41
Глава 9. Нежданные визитёры	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Колганов

Превратности судьбы

Часть I. Лулу

«Путь к наслаждениям ведёт вниз», Сенека

Глава 1. Незнакомка в лифте

Бывает так, что вроде бы приснился сон, но после пробуждения уже не помнишь ничего. И остаётся только ощущение, будто что-то неминуемо должно произойти, но, что это такое, даже не догадываешься. Вы можете мне не верить, но предчувствие этой встречи тревожило меня с некоторых пор почти что постоянно. Словно бы некое видение возникало наяву, заслоняя собой все прочие события и предметы. Однако если я скажу, что был вполне способен случившееся предвидеть, вот уж тут вы с полным основанием можете назвать меня пройдохой и лжецом. Нет, не было для этого никаких причин! И всё же я не мог избавиться от некоего подобия страха – наверное, именно так дикий зверь предчувствует беду...

Лифт внезапно затормозил, хотя при движении вверх ему останавливаться вовсе не положено, само собой, пока не доползёт до нужного мне этажа. Створки двери раздвинулись, и в кабину влетела растрёпанная женщина с безумными глазами и разинутым в отчаянном крике ртом, из которого, впрочем, так и не донеслось ни звука. Одной рукой придерживая полы короткого халатика, надетого, как можно было видеть, на совершенно голое тело, другой она стала нажимать сразу на все кнопки лифта, видимо, так и не решив, куда же ей следует отбыть. Надо сказать, что в нашем доме есть, по меньшей мере, две подозрительные квартиры, от обитателей которых можно ожидать чего угодно, начиная от забрасывания соседских иномарок пустыми пивными банками до хорового пения по ночам. Впрочем, все эти квартиры располагаются гораздо выше, примерно там же, где и моя скромная обитель. Вот потому-то я и предложил этой странной даме, отбросив прежние, весьма сумбурные намерения, нажать на кнопку семнадцатого этажа – в конце концов, рано или поздно мне предстояло попасть именно туда, так чего же канителиться? Только теперь крэйзи вумен обратила внимание на то, что она здесь не одна, причём я бы не сказал, что моё присутствие её очень испугало. И вот, по-прежнему тараша на меня свои огромные, красивые глаза – а они и впрямь оказались приятного, изумрудно-пепельного цвета – дама осторожно скосила взгляд в сторону зеркала, висевшего на стене кабины лифта.

– My God! It's impossible, – почти беззвучно прошептали алые, изящно выгнутые губы. И вслед за тем, видимо, начисто забыв про обстоятельства своего появления здесь и уже нисколько не обращая внимания ни на кого, то есть в этой суматохе попросту отводя мне роль беспристрастного лифтёра, незнакомка принялась приводить себя в порядок.

Представьте, что где-нибудь в фойе шикарного ресторана, в котором вы вознамерились в уютной обстановке отдохнуть, поужинать, перекинуться парой слов с коллегами или друзьями, к вам вдруг подскакивает этакая расфуфыренная стерва, впивается ногтями вам в ладонь и пронзительным, совсем каким-то не здешним голосом орёт, чуть ли не присосавшись к уху: «Спасите! Помогите! Избавьте меня от...»

Нет уж, это вы бы меня избавили, мадам! В самом деле, я и так, и сяк прикидывал, как бы сподручнее втолковать свалившейся на мою голову иностранке, что негоже ей шляться по этажам да по квартирам в неглиже, рискуя в некотором роде репутацией. Хотя с другой стороны мы же здесь люди современные, без излишних предрассудков, можем оказать посильное содействие в случае чего. Однако загвоздка состояла в том, что мой запас английских слов на проверку оказался жидковат, то есть, ну просто крайне ограниченным. Что я мог сказать? «Гуд найт», «бонжур», «направо туалет»... В конце концов, не приглашать же для объяснений переводчика.

И вдруг, не оборачиваясь ко мне и продолжая прихорашиваться, дама на хорошем русском языке с едва заметным малороссийским выговором произнесла:

– Можешь называть меня Лулу.

Я так и присел. Ну ё моё! Везёт же мне – опять на одну из этих самых напоролся. И что они липнут на меня, как вша на мёд? По улице ночью не пройдёшь – «Ну что, мой миленький, может, развлечёмся?». Мало им московских пляс-пигаль, теперь уже и в лифтах стали клеиться!

Но вот когда эта самая Лулу, наконец-то как бы закончив макияж, оборотилась лицом ко мне, от изумления, и правда, впору было лечь – то есть хоть не вставай, хоть падай. Теперь уже я глядел на неё полуосоловевшими, полувосторженными, какими-то боготворящими, словом, более чем идиотскими глазами, моля Всевышнего лишь о том, чтобы никогда не кончался этот сон. Ну можно ли себе представить, чтобы, не затратив, фактически, ни малейшего труда, я оказался в одной компании, чуть ли не в тесной близости со столь очаровательной, прелестной юной леди, да ещё в положении, когда просто обязан ей чем-нибудь помочь? Вы не поверите, но подобное произошло со мной впервые. Стоит ли удивляться, что меня то ли отчасти развезло, то ли чем-то легонько оглушило. Так, в этом не совсем привычном состоянии я вывалился из остановившегося лифта, достал ключи, открыл дверь своей квартиры и пригласил незнакомку за собою в дом.

Увы, должен признаться, что неумеренная эйфория поначалу чередовалась у меня с мыслями вполне утилитарного предназначения, то есть, куда бы мне это милое создание поскорее сбыть и как бы не пришлось мне заниматься выяснением причин её появления здесь, вроде того – а кто ж её до такого беспардонного состояния довёл, пренебрегая общедоступными нормами приличий? Нет, правда, ну не совершать же поквартирный обход с целью опроса всех жильцов? Причём, и это очевидно, сама она мало расположена к интимным откровениям, даром, что назвалась явно вымышленным именем. Во всяком случае, прежде мне не приходилось слышать что-нибудь подобное, ведь даже девки из нашего ночного клуба выбирали себе клички посolidнее – Алёна, Ева, Ксюха, Агриппина... А тут – вульгарное Лулу! С другой стороны, само по себе выяснение сопутствующих этому событию обстоятельств не вызывало у меня особого восторга ещё и потому, что было чревато, как принято у нас говорить, непредвиденными осложнениями. Надо же понимать – ведь я не на работе, где такое занятие мне как-никак по статусу положено. А что же делать здесь? База данных на эту публику у меня начисто отсутствует. Я было подумал, а не вызвать ли для полного удовольствия милицейский наряд. Однако, как бы девчонке не досталось, поскольку, говорят, они на это мастера. И кто потом будет разбирать, что было сперва и чем, к примеру, кончилось? Да ладно, я же всё это не со зла.

Нет, в самом деле, положение для меня складывалось совсем не шуточное. К примеру, ну во что же мне её переодеть? Вряд ли кому-то в голову взбредёт, будто я в платяном шкафу складую про запас подборку женского белья самых разнообразных фасонов и размеров. Однако в одном халатике не выгонишь её на улицу, даже если на такси денег наскребу. А тогда чем я оказываюсь лучше тех, от кого она только что сбежала? К тому же, и перед консьержкой как бы не пришлось оправдываться уже в который раз. Скажет потом, мол, с девчонки всё, что нужно, поимел, да и выставил бедняжку за порог, в чём мама родила, а вещички продал на барахолке за «литру самогонки». Да, именно так и скажет, мне ли не знать, хотя самогона я сроду в рот не брал, разве что один единственный раз – на комсомольской свадьбе. Было дело, помню, еле-еле пришёл тогда в себя – даже не уверен, что перед вами сегодня именно я, а не тот, что только выпить собирался... В общем, похоже, влип я в скверную историю с этой незнакомкой.

Впрочем, называть незнакомым чем-то очень памятное мне лицо было бы явно не разумно, я бы даже сказал, крайне легкомысленно. И вот, надевая комнатные шлёпанцы, я старательно, буквально изо всех сил пытался сообразить, а как же её зовут на самом деле... Ну ладно, пусть будет эта самая Лулу. Мало того, что в одном тоненьком халатике, Лулу к тому же оказалась босиком, но мне так и не пришло в голову предложить ей что-то на ноги, да и, судя по всему, ей было так привычнее. А вот почему?

И вдруг я понял, что могу с ней делать всё, что мне захочется.

Знали бы вы, как это противно, когда все вокруг считают тебя добреньким и милым, словно бы ты пушистый, белоснежный, синеглазый кот. Ну такой... то есть попросту совершенно безобидный. В общем, тоже кот, но то ли кастрированный в ветлечебнице по наущению хозяев, вконец одуревших от бесконечных воплей похотливого самца, а может, и того проще – перед вами самое обыкновенное чучело, набитое опилками или поролоном, способное разве что промурлыкать популярную мелодию, когда его нежной рученькой погладят. Ах, как же мне всё это надоело! И вот для того, чтобы доказать, что я вовсе не такой...

– Ты не возражаешь, если я приму ванну? – вдруг сказала Лулу.

А почему бы и нет? Да ради Бога! Я даже спинку, если больше некому, потру. Так и подумал, распахивая перед Лулу дверь ванной и протягивая ей банное полотенце. Если уж совсем начистоту – я же всю жизнь о том только и мечтал, чтобы такая вот юная красавица, стоя передо мною на коленях, просила сделать ей ребёночка!

Итак, ещё чуть-чуть и может сбыться моя давняя мечта. Сегодня вечером мне выпадет желанный жребий! Я чувствую, как в груди рождаются звуки, подобные ударам парового молота, как по жилам разливается горячая, насыщенная гормонами кровь, как...

Но вот только не надо это делать сгоряча. Давай-ка, дружище, не будем форсировать события. Потому что, если действовать нахрапом, напролом, всё дальнейшее может пойти совсем не так, как я задумал. В конце концов, если захочет, может некоторое время пожить здесь, у меня. Ну хотя бы до тех пор, пока не подберём ей что-нибудь взамен этого халатика. Впрочем, меня бы вполне устроило, если бы она осталась гольшом. Да и погода нынче для того, чтобы оставаться в неглиже, более чем подходящая. Вы только представьте себе – нудистский пляж в отдельно взятой однокомнатной квартире! На этой многообещающей мысли я постепенно успокоился.

А между тем Лулу, стоя перед зеркалом, уже расчесывала волосы на косой пробор, смыла тени, стёрла ярко-красную помаду с губ и вот предстала предо мной заметно посвежевшая, без следов недавнего отчаяния на лице, без страха и без слёз. А вместо халатика её чуть влажное после купания тело прикрывало розовое полотенце.

Вот она, долгожданная мечта! Вот оно, то счастье, которое само постучалось в мои двери. Неужели всё это мне – и эти ласковые руки, и нежные плечи, и этот словно бы завораживающий, манящий взгляд?

И всё же Лулу смотрела на меня как-то странно. Примерно так щурятся на яркий свет, выходя из темноты подъезда на улицу безумно ярким, летним солнечным днём. Нет, пожалуй, это было бы не совсем точное сравнение, потому что даже подобия улыбки на её лице не обнаруживалось. Скорее, были только недоумение и почему-то – стыд. И ещё нечто не вполне конкретно выраженное – сказать или не сказать? И если да, то что, чёрт возьми, должно за всем этим последовать?

Лулу ходила по комнате, оглядываясь по сторонам – словно бы путница, заплутавшая в лесу, надеялась обнаружить знакомую тропинку, которая выведет непременно к дому.казалось, что в её голове вертится, не находя пристанища, одна лишь мысль – а с какой стати я сюда явилась? На самом же деле всё было очень просто, и подобная нерешительность девочки по вызову даже вызывала у меня сочувствие. Я уже представлял себе, как стаскиваю с её нежной попки трусики, как ласкаю её грудь... Стоп! Можете мне не верить, но почему-то здесь одно с другим не связывалось.

И только тут я её узнал!

Да, это была та самая девчонка, которую в прошедшую пятницу выставили на аукцион в нашем ночном клубе. Я видел её лишь мельком, и потому не смог сразу определить, что называется, кто есть кто! Как же она здесь оказалась? Признаться, я не в том возрасте, когда ещё верят в такие совпадения. И потом – что она искала, обшаривая взглядом мой дом? Валюты я в своей квартире не держу, драгоценностей – кот наплакал, одни лишь серебряные карманные

часы, доставшиеся мне от деда, волостного писаря во Владимирской губернии. Кто-то подослал? Кто и зачем? Да кому я нужен!

А Лулу тем временем просматривала наш семейный альбом. Уж и не знаю, что она там углядела, но вдруг я слышу:

– Папочка! Ну и как тебе жилось без меня всё это время?

Ни фиги себе!..

Прежде, чем делать такие заявления, полагается человека подготовить, валокординчика накапать, что ли, а тут... Нет, ну надо же, родственница объявилась! Видимо, проездом из Нижнего Новгорода в Тверь с короткой остановкой у столичной родни.

Если честно сказать, то всю свою сознательную жизнь, исключая лучезарные детские годы и отрочество, я отбивался от провинциальных родственников, чем только мог, то есть всеми доступными мне средствами. Эта орава, нагруженная баулами с варёной колбасой, сметённой с полок ближайшего продмага, вваливалась в наш дом обычно без предупреждений, привнося в обстановку неспешного, размеренного и сытого столичного бытия признаки отчаянной борьбы за своё существование. Слава Богу, что борьба эта происходила в основном на уровне живота, поскольку выстоять километровые очереди за импортными сапогами, тюлем и прочими принадлежностями семейного уюта у них уже просто ни сил, ни времени не оставалось. И вот, стоило им похлебать хозяйского борща, слопать только что купленные сардельки и выпить чаю, как с улицы доносился призывный вой автобусной сирены, и вся орава мгновенно исчезала, оставляя в квартире немытую посуду, пустую кастрюлю из-под борща и запах натруженных конечностей. До новых встреч, внучатые племянницы и троюродные тётки!

Итак, девочка по вызову считает себя моей дочкой. Несмотря на весь свой жизненный и профессиональный опыт, а может быть благодаря ему, я ну никак не мог поверить вот именно в этот неожиданный расклад. Вообще-то, всякое бывает. Случается даже, что только на закате жизни узнаёшь про себя такое, чего и врагу не пожелаешь. А впрочем, надо же и то понять, что на моих глазах всё рушилось – я имею в виду нечто уже почти реально осязаемое, что уже в подробностях представлял в своих мечтах. Вот и не верь после этого в скверные предчувствия.

Знали бы вы, как я не люблю, когда мои поступки заранее планируют! Словно бы я робот или услужливый арапчонок какой, ну как ещё сказать? Помнится, один приятель мой надумал вдруг жениться... Впрочем, всё было несколько иначе. Ну вот, представьте себе, что в вашей квартире раздаётся телефонный звонок и ваш давнишний друг вполне деловым, если не сказать елейным голосом сообщает, что вы назначены шафером на свадьбе. Более того, что через четверть часа вам надлежит, напялив самый лучший камзол, явиться по известному адресу для личного знакомства с его обожаемой невестой. На смотрины, так сказать... И кто же на кого должен смотреть, прикидывая, подходит оно или не подходит? То есть я или она? А между тем из телефонной трубки явственно доносились звуки размеренных шагов. Если бы не догадался, что это женские каблукки, наверняка узнал бы походку своего начальника.

Вы уже поняли, наверное, что я таких сюрпризов просто-напросто не переношу. Вот и теперь – даже не посоветовавшись, меня назначили папашей!

Что ж, я налил две рюмки коньяка – свою я залпом выпил, а Лулу только пригубила – и приготовился выслушать историю о том, как, то есть каким неповторимым образом, сам ничего подобного не предполагая, я докатился вдруг до жизни такой. Новоявленная дочь забралась с ногами на диван и, закурив предложенную мною сигарету, приготовилась к рассказу. Однако прежде, чем позволить ей начать, я должен пояснить кое-что из того, что предшествовало этому свиданию. Очень уж не хотелось бы прерывать исповедь Лулу или отвлекаться в область метафизических гипотез по поводу того, что было бы, если б мы не встретились или я выбрал себе другое место для работы. Опуская воспоминания о лучезарном детстве и не менее беззаботной юности, я возвращаюсь всего лишь на пару дней назад. Так ведь иной раз и одного дня

вполне достаточно, чтобы радикально изменить чью-либо судьбу или же понять, что вся прошедшая жизнь была не более, чем подготовкой к этому событию. Итак, начнём всё по порядку.

Глава 2. Каждый вечер...

Каждый вечер, едва зажгутся уличные фонари, я собираюсь на работу. Летом темнеет поздно, а в тех столичных кварталах, где добропорядочные горожане уже готовятся отойти ко сну, к этому времени становится и вовсе жутковато. Однако, несмотря на окутавшую город духоту, на опасение быть ограбленным или избитым, я надеваю малиновый пиджак с потёртыми розовыми отворотами, по своему покрою скорее напоминающий ливрею, выдавшие виды парусиновые штаны, сандалии на босу ногу и, сунув в карман свёрток с бутербродами, выхожу за порог своего дома.

Надо ли говорить, что обозначенные мною приметы были бы очевидной неправдой, случись описываемые события в иное, менее подходящее для прогулок время года. Но на дворе всего лишь середина августа, и потому не стоит напрягать своё воображение, пытаясь представить себе, как выглядело бы моё одеяние в осеннюю слякоть или же в лютый январский мороз.

Столь же бессмысленным было бы намерение поразмышлять о превратностях унылого ночного бдения безвестного портье в пятизвёздочном отеле, поскольку признаюсь сразу, что не довелось мне обрестаться в этой должности ни в «Рице», ни в «Шератоне», а потому случайных и явно нежелательных встреч с призраками прошлого, способными потревожить не слишком отягощённую воспоминаниями мою совесть, вовсе не предвидится. Тем более, если даже покопаться в памяти ещё раз, вряд ли в ней что-либо достойное сожаления найдётся хотя бы потому, что ничего такого, похоже, у меня и не было. Ну разве что два-три романа с замужними дамами, да и то, пожалуй, их тогдашних супругов я бы не отнёс к числу своих ближайших друзей.

Из всего сказанного существенно лишь то, что моё рабочее место располагается не в солидном отеле, и даже не в меблированных комнатах, сдаваемых, как правило, всего-то на несколько часов либо на одну бессонную ночь бесприютным парочкам, которым не терпится дать друг другу немного душевной теплоты и ласки. А то ведь ещё бывают и на редкость стеснительные клиенты, чем-то похожие на меня. Те самые, что не решаются привести девчонку в свою холостяцкую квартиру на виду у сидящих на скамейке близ дома пожилых матрон, да к тому же под пристальным взглядом бдительной консьержки. Она бы и сама не прочь приглубить старичка, сколько краски изводит, чтобы скрыть седину, а толку-то... Нет, правда, в последнее время и вовсе – как приговор! То и дело стали возникать прежние подруги, заботливо осведомляясь, мол, ты по-прежнему один или свято место пусто недолго оставалось? Ну и что им на это отвечать – что-то вроде «вам-то, милые дамы, какое дело?».

Впрочем, по поводу «старичка» я, видимо, загнул. Больше сорока, ну, скажем, сорока пяти, мне не дают – конечно, если не заглядывать в мой паспорт. Однако соседи всё про всех знают. Можно подумать, будто вылёживались мы всем подъездом в одной палате для недоношенных детей в том самом роддоме имени Грауермана, что располагался когда-то на Арбате. И с той поры по должности либо по велению души надзирали они за мной с превеликим тщанием, а потому все сколько-нибудь существенные события моей личной жизни знают наперечёт. Во всяком случае, такое иногда складывается впечатление, если судить по их вроде бы ни с того ни с сего приветливым, а иногда и просто до омерзения сочувственным взглядам, словно бы понимают они обо мне гораздо больше, чем в собственной биографии разбираются. Но это к слову, притом выражаясь их не слишком-то изысканным языком.

Обязанности мои с виду совсем не хлопотные. Сидя в полумраке своей каморки недалеко от парадной двери, тычу пальцем в клавиатуру компьютера. Никому и в голову не придёт, что здесь закладываются основы финансового благополучия нашего заведения. А дело в том, что изображения всех входящих посетителей направляются в мой ноутбук, который, покопавшись в памяти, сам определяет, кто есть кто, а уж затем выкладывает на дисплей всю подноготную –

где, да как, и в чём недостойном сей господин был уличён. Само собой, речь не идёт о том, что некто привык сморкаться в занавеску – в нашем деле обмен полезной информацией более чем основательно налажен, особенно в тех случаях, когда реальный владелец нескольких заведений оказывается один. Увы, но даже самая совершенная техника, тот знаменитый западный хай-тек, нередко даёт сбой, молчаливо признаваясь в собственном бессилии. В том ли заковыка, что заглянул к нам новичок либо ранее проштравившийся клиент явился тщательно загримированный, но, в чём бы ни заключалась на этот раз причина, крупье в игорных залах могут оказаться безоружными перед лицом завязатого шулера либо многоопытного профессионала, ну а податливые на ласку девчонки в шикарных номерах рискуют подцепить какую-нибудь хворь, чреватую длительным отлучением от любимого занятия.

Вот тут-то и наступает мой черёд! И гаснет экран компьютера, и топтуны у входа по моему тайному сигналу вынуждают посетителя так или иначе проявить свой нрав либо похвастать содержимым кошелька. Моя же задача зафиксировать его реакцию и на основе личных впечатлений нарисовать психологический портрет, максимально соответствующий неведомому покамест оригиналу, либо же выявить черты, однозначно указывающие на внесённого в чёрный список фигуранта. Ну а дальше...

Здесь следует пояснить, что мои скромные познания в практической психологии востребованы, в основном, лишь в период летних отпусков, когда обычная московская клиентура находит удовлетворение своим пагубным страстям вдали от мест привычного обитания. Её же отсутствие восполняют заезжие гастролёры да охочие до российской экзотики туристы, для которых летняя Москва – это всё равно, что Лимассол или Монте-Карло для москвича, само собой в зависимости от уровня задекларированных доходов.

В этой ситуации вполне резонно возникает вот какой вопрос, который уже не раз мне задавали:

– Послушай, а зачем тебе всё это надо? Что ты нашёл в таком малопочтенном деле, которое подходит скорее уж тюремным цирикам или же опытным соглядатаям?

Что тут ответить? Вероятно, не будь я начисто лишён иных способностей, наверняка нашёл бы себе занятие куда более достойное. Но так уж повернулась моя судьба, так уж сложились воедино прежде разрозненные, к тому же не вполне доходчиво выраженные обстоятельства, что здесь, в старинном особняке, принадлежавшем в самодержавные времена какой-то богатенькой купчихе, здесь, в крохотной каморке поблизости от входа, за огромным полупрозрачным стеклом в золочёной раме, замаскированным под зеркало, и находится место моего ночного заработка.

Не следует думать, что работы у меня каждой ночью невпроворот. Случается иногда и временное затишье, когда клиент по независящим от нас причинам куда-то пропадает, словно бы ни с того и ни с сего возникли у него совсем иные, не свойственные свободному, я бы сказал, вполне самодостаточному индивиду обязательства, быть может, связанные именно с лишением свободы. Вот стоило предположить такой исход, как словно бы слышу:

– Ох, не накликай бы тебе беды!..

А и чёрт с ними – без работы точно не останусь! Так вот, в такие-то для дела не слишком благоприятные, наполненные тоскливым ожиданием часы самое подходящее занятие – почитать какую-нибудь книжку. Не столько для души, а исключительно, чтобы в уединении и с пользой скоротать освободившееся время – спать-то у нас на службе не положено. Конечно, имей я столь распространённую ныне склонность к пустопорожней болтовне, мог бы и с топтунами поговорить о том, о сём. Топтуны ведь тоже люди, всё-то они про нас с вами понимают, им ведь тоже хочется немного душу отвести. Вы спросите – с чего бы это? Так ведь наболело! Дай только ему волю, он такую прорву отборного компромата про любого из вас выложит, что мало не покажется... Увы, согласно с давних пор сложившемуся у меня, проверенному опытом убеждению, разговоры по большей части сокращают нашу жизнь ровно на то самое время, в

течение которого они и продолжаются. А там, кто знает – разговориться не успеешь, и вдруг оказывается, что жизнь-то прожита...

Можете мне не верить, но иногда я и сам кое-что пишу. Обычно это происходит сразу же после сна и, что особенно обидно, на пустой желудок, так что более двух-трёх страниц не наработаешь. При этом в голове возникает некое шуршание, напоминающее шелест переворачиваемых страниц и словно чей-то голос, спросонья кто именно и не разберёшь, прокашлявшись для порядка, начинает зачитывать мне текст, только успевай записывать... Знаете, поначалу собирался сочинить нечто маловразумительное в стиле «фэнтэзи» – уж это нынче в моде! Но тут ведь вот какая происходит несуразица. Спрашивается, зачем писать и кому всё это нужно, если более или менее здравомыслящему человеку с умеренным воображением достаточно просто-напросто прилечь на свой любимый, кое-где уже слегка продавленный диван в весьма уютном обрамлении – торшер, подушка, рюмка коньяку – и фантазируй себе, сколько душевнее угодно! Кому что требуется и кому какой предпочтителен сюжет... Далее следовало бы привести полный перечень наиболее привлекательных видений, ну словно бы порекомендовать самый ходовой товар – да ладно, уж как-нибудь сами разберётесь. Словом, в итоге с «фэнтэзи» не задалось, да и с написанием очередной главы «Истории проституции в России» тоже не слишком удачно получается. И на то есть свои, не менее важные причины...

Должен признаться, что с недавних пор в минуты вынужденного простоя я предпочитаю наведываться в Интернет. Хоть и не в восторге я от всяких новомодных, стильных штучек в духе нашего продвинутого времени, однако согласитесь, что во Всемирной паутине есть чем позабавиться. Нет, вы только не подумайте, что я охоч до порнографии – мне это непотребство совершенно ни к чему! Куда интереснее побродить по виртуальным форумам. Не знаю, как вам, но мне уж точно прежде в голову не приходило, будто кричать, гримасничать, закатывать глаза, сокрушаться, иронизировать, наглеть без всякой меры, нудеть, увиливать от ответа, орать и лгать в лицо, восклицать и лицемерить, пытаться доказать недоказуемое и просто говорить – всё это могут делать одновременно ВСЕ! Сдаётся мне, что это есть ни что иное, как случай группового мазохизма, когда взаимное унижение выступает в качестве неперемennого условия присутствия:

– Ой, ущипните меня, если я не сплю!

С другой стороны, ежедневно предназначенная вам, в отличие от Сети более или менее осязаемая, вполне обыденная реальность по существу оказывается из разряда странных снов. Там череда явлений возникает вроде бы сама собой, то есть помимо вашей воли, а вы оказываетесь не в состоянии что-либо в происходящем изменить. Там, в этих полукошмарных видениях наяву, протянутая для рукопожатия рука нередко повисает в воздухе, а прежде знакомый человек вас попросту не замечает, проходя сквозь ваше тело, как будто вы мираж, бестелесный образ, порождение большого разума. И только там слова недоумения застревают в горле, а бесконечно надоевшие упрёки самых близких и наставления тех, кому по должности положено заботиться о всеобщем процветании, уже изрядно соскоблили вам лицо. Но это всё потом...

Ну а пока что я прохожу через парадную дверь, так мне гораздо ближе, чем если бы я шёл путём, более привычным для obsługi, и топтуны радостно приветствуют меня у входа:

– Здравия вам желаем, Вовчик! – хором шепчут топтуны.

Это у нас ритуал такой, своеобразная традиция, что ли.

– Здравствуйте и вам, товарищи! – отвечаю тоже тихо.

И правда, незачем солидную публику пугать, а то ещё подумают чего... Вроде того, что власть переменялась.

Кстати, на Вовчика я не обижаюсь. Было бы даже странно – ведь такое обращение даёт уверенность в том, что меня воспринимают не вполне всерьёз. А это при моём теперешнем положении совсем не мешает, даже создаёт иллюзию, будто я один из них. Тут ведь требуется иметь в виду, что мне и за топтунами надобно приглядывать.

– Бутылочку, небось, припас?

Это спрашивает один из топтунов, незаметно ощупывая мои карманы. Их ведь тоже следует понять, что поделаешь, у каждого своя работа. Однако же и то знать полагается, что по пятницам я ничего подобного себе не позволяю, ни бутылочки, ни фляжки, ничего. Уж очень важный день! А то ведь в самый ответственный момент некстати развезёт, ну а тогда...

Тут самое время признаться, что я себе мало симпатичен. Иногда, ну просто отвратителен бываю. Особенно в тех случаях, когда приходится сообщать швейцару, что юная леди, не в пример прочим довольно привлекательная в свои семнадцать, ну, скажем, в восемнадцать лет, должна покинуть наше заведение. И дело даже не в возрасте, это мы бы ей как-нибудь простили, даже совсем наоборот. Но при всех достоинствах явный недостаток её именно в том, что явилась она сюда с известным в «карточных» кругах профессионалом, а потому и уйти обязана вместе с ним, так и не составив ему компанию у игорного стола. Уж так и хочется сказать ей:

– Мадмуазель, мои самые искренние сожаления! Не будь при должности, пригласил бы вас отужинать в нашем ресторане. Надеюсь, что сандалики на босу ногу вас не очень-то смутят?..

Однако размечтался! По счастью, подобные обстоятельства возникают здесь довольно редко, даже и не припомню, когда в последний раз...

Вообще-то дамы у нас есть свои, и, кстати, не самого худшего свойства, уж вы поверьте моему слову. Те же, что приходят с кавалерами, как правило, ничего примечательного собой не представляют. Раздень их догола, и что останется? Востроносое личико, не вполне сформировавшаяся грудь да неумное желание преподнести себя как нечто выдающееся. Будь у меня такая уникальная возможность, я бы и этим кое-что сказал:

– Поймите, леди, вы даже на гарнир к порционному омару не годитесь! Примерно так ощипывают курицу прежде, чем сварить из неё бульон. На скромную роль смазливой коротконожки, очередной девушки «Плейбоя» ни одна из вас не выдержит экзамен, скинь вы со своего возраста хоть десяток лет. И не мечтайте, разлюбезные владелицы «лексусов» и «мицубиси»!

Впрочем, во избежание неуместных кривотолков, чреватых отстранением от должности, спешу внести необходимую ясность и сразу же оговорюсь, что всё выше сказанное не более чем неизбежные издержки моей нынешней профессии, особенно присущие людям пожилого возраста. Ну в самом деле, отчего не побрюзжать? Но и на то, как водится, есть достаточно веские причины. Вы не поверите – однажды в незапамятные времена такая вот жадная до плотских шалостей девица в порыве жуткой страсти едва не откусила мне нижнюю губу... Словом, и в мыслях не было над кем-то поглумиться. А причины... причины столь нелюбимых откровений не очень старого брюзги по большей части вот из чего проистекают.

Есть такое понятие – лень у ума. Откуда что взялось, то есть, почему вам именно это предназначено, тут каждый должен разобраться сам. Скажу лишь, что меня способно довести до столь безрадостного состояния только равнодушие. Когда не нахожу ни смысла, ни понимания, когда я сам словно бы растение в глиняном горшке, часами прозябающее на подоконнике в ожидании поливки. Мне солнце полагается видеть только через мутное стекло окна, дышу я выдохами и испарениями хозяев, а уж на то, чтоб кто-нибудь спросил, что у меня творится на душе, рассчитывать и вовсе не приходится. Увы, привычное состояние засиженного мухами, полузасохшего цветка... Так вот, для того, чтобы разбудить лениво дремлющий, но ещё вполне дееспособный разум, нужна причина. Злость! В основе злости – инстинкт самосохранения, а уж угроза более или менее достойному существованию кого угодно выведет из умственной дремоты. Кто-то полезет в подпол доставать загодя припрятанный обрез, кто-то на митингах срывает голос до хрипоты, кто-то готов уgomониться, с особым «пиететом» обругав власть на виртуальном форуме. Ну а я... я вот устроился на службу, безумно тягостной и бесконечно долгой ночью находя сомнительное удовольствие в том, чтобы одних с почтением пускать, других до времени придерживать у входа, а прочим и без того должно быть ясно: ВСЁ ЭТО НЕ ДЛЯ ВАС!

На самом деле я не такой уж злой. И напрасно обожатели взаимных комплиментов время от времени упрекают меня в излишней жёсткости и чуть ли даже не в злорадстве. Скажу вам больше, некоторые дамы склонны признавать, возможно, в оправдание собственных, не всегда достойных упоминания легкомысленных поступков, что иногда и я бываю на редкость обворожительным – да, именно так! – обворожительным и остроумным. И даже под настроение могу нечто задушевное изобразить, подпевая вполголоса тому, что тремя пальцами трендыкаю в меру своего скромного таланта на гитаре. Однако публика – в восторге! Во всяком случае, та единственная дама, для которой я пою...

Но гораздо чаще случается не так и будто что-то ломается во мне. Ни с того ни с сего внезапно ухожу в себя, глаза тускнеют, голос становится невыразительным, и всё лицо словно бы вытягивается в гримасе уныния и вопиющей заурядности... Впрочем, и с этим признанием я поторопился. А между тем...

Глава 3. Когда наступает уик-энд

А между тем события, случившиеся с вами прежде, кажутся иногда кошмарным, кем-то выдуманном сном. В другие минуты вызванное из закоулков памяти воспоминание способно лишь рассмешить, как фраза из забавного анекдота, услышанного ненароком. А бывает так, что оказываешься в состоянии произнести одно лишь слово «ах!»... и больше ничего. Потому что изменить свершившееся уже нельзя, а по поводу того, что было бы, поступи ты по-другому, остаётся лишь строить догадки и ругать, ругать себя за мнимую нерасторопность и не ко времени возникшее будто бы благодравие души. Вот и в этот вечер...

По пятницам у нас устраивают аукционы. Всё начиналось когда-то с бутылки выдержанного виски на католическое рождество и кресла-каталки, которое доставалось наиболее упившемуся посетителю, а уж таких было немало. Как правило, счастливец оказывался тот, кто попросту лыка не вязал, а то и вовсе пребывал в продолжительной отключке. Надо полагать, в последнем случае интересы победителя представляла заботливая жена или же не в меру алчная подруга. Вот уж подфартило! Что ж, от халявы даже вполне успешная бизнес-леди не откажется. Тем более, если речь идёт всего лишь о частичной компенсации довольно внушительных затрат на возлияния, которые последовали сразу вслед за тем, как наш «герой» продулся в пух и прах в американскую рулетку!

Со временем хозяева переориентировались на живой товар. Нет, только не подумайте чего... Или вы уж совсем без чувства юмора? Так вот, кто больше всех заплатит, тому и достанется выставленная на продажу барышня, причём в полное рабовладение до самого утра. Распоряжайся, пользуйся – это, конечно, если сможешь! – но не позднее заранее оговорённого часа изволь вернуть прелестное создание на то самое место, откуда взял. Причём в более или менее приличном виде, иначе придётся солидную неустойку заплатить. Короче, всё по справедливости! Однако обычно проблема состояла в том, чтобы найти для аукциона подходящий «лакомый кусочек», способный не только возбудить уже слегка подвыпившую публику, но и заставить её изрядно раскошелиться, иначе ставки составляли более чем скромную величину, грозя изрядно пошатнуть и без того не слишком привлекательный в последнее время имидж заведения. И в самом деле, чего ж тут может привлекать, если солидные клиенты обречены всё время пялиться на своих подмазанных, подтянутых, подкрашенных подруг, которые и без того обрыдли до полной невозможности. Я словно бы слышу их настойчивые голоса:

– Нет уж, ты подавай нам свеженькое! А уж за ценой мы, как водится, не постоим.

Вошедшая пара сразу привлекла моё внимание, тем более, что компьютер стыдливо промолчал, так и не выразив желания подсказать, с кем предстоит иметь дело на этот раз. Видимо, заграничная машина была не в состоянии вообразить, будто такое в принципе возможно – ну что поделаешь, если не случилось в её практике подобных обстоятельств. Пожалуй, и в этом случае придётся рассчитывать только на себя.

Сразу скажу, что рассматривать входящего клиента – не самое приятное для меня занятие. И что за мужики теперь пошли – плечи узенькие, головки маленькие, бывает, что смотрю и чуть не плачу! Да, кепок моего размера с недавних пор уже не шьют, надо полагать, за ненадобностью, то есть из-за отсутствия какого-либо спроса. Вот и этот гражданин – хоть и умеренно широк в плечах, но с удивительно маленькой головкой. Успокаивало лишь предположение, что она ещё растёт. Я отчётливо представил себе, как раздвигаются лобная и теменная кости, как набухает мыслями по-юношески девственный, не испорченный вульгарными знаниями мозг, и его речевой отдел, уже вполне укомплектованный тем, что ненароком позаимствовано из бесед со сверстниками во время перекуров в туалете, начинает нескончаемый, никем не прерываемый, велеречивый и вместе с тем насквозь пронизанный практической направленностью разговор. Но это было, судя по всему, предметом отдалённого будущего. Сейчас же передо мной

стоял довольно рослый юноша в защитного цвета куртке с надписью «Стройотряд» и даже его линялая футболка хранила на груди свидетельство небывалого энтузиазма, оформленное в виде ёмкой фразы. «Даёшь!» – вот именно так и было там написано. При этом всякий мало-подготовленный читатель оставался в крайнем недоумении по поводу скрытого смысла столь откровенного признания:

– А что же такое он намерен здесь забрать?

И в самом деле, вряд ли на трезвую голову кому-нибудь могла явиться мысль, будто надумал сей юноша экспроприировать всё, что только под руку ему ни подвернётся. А впрочем, чёт с ним, куда больший интерес в тот момент вызывала у меня его подруга.

Бывает так, что утомлённый зрелищем безликой, бессмысленной толпы, ты ничего уже не ждёшь, то есть, почти зажмурившись, смотришь на входящих посетителей, словно бы оцениваешь абсолютно не одушевлённые предметы. То есть фиксируешь наличие ушей, цвет губ, покрой костюма, форму носа... Признаться, вся эта псевдоаналитическая дребедень уже изрядно мне поднадоела. Но вот посреди парада мужеподобных барышень и человекообразных мужичков, манишек, смокингов, штиблет и остроносых туфель на о-о-очень высоких каблуках, среди фальшивых драгоценностей и дорогих нарядов будто бы от самого Версаче вдруг возникает нечто...

Я вижу светлые, расчёсанные на пробор волосы, закрывшие едва ли не половину её лица. Слегка раскосые «татаро-монгольские» глаза с лёгкой поволокой. Фигура... фигура, в общем-то, не идеальная, немного худовата на мой вкус, однако вполне приемлема для топ-модели уездного масштаба. А между отворотами как бы случайно распахнувшейся блузки сияет бело-снежно-розовая, неповторимая в своей изяществе, в своём всегдашнем совершенстве, её нарочито полубогажённая грудь, и словно бы помимо воли своей владелицы хочет нам сказать:

– Мне всё тут нипочём, мне на ваши ханжеские нравы и на завистливые взгляды наплевать. Смотрите, какая я красивая!

В ней было что-то от женщин, которых можно видеть на полотнах Дега, неуловимо лёгкое и почти воздушное. Казалось, что вот сейчас она взмахнёт рукой и поплывёт среди ошеломлённой публики подобно божественному существу или хотя бы явится реальным воплощением неведомого, недоступного вам прежде, а может быть за давностью лет забытого или утраченного чувства.

И ещё мне показалось, что между нами что-то было, то есть, наверное, не было, но вполне могло бы быть... Возможно, в той, прошлой жизни мы встречались. И вот уже представляется мне старый сад, и дом на берегу окружённого плакучими ивами пруда, и тёмные занавеси на окнах, вспорхнувшие как испуганные птицы, когда она вошла... Беззвучно шелестящий шёпот губ, покорно замирающих и лёгкой дрожью вновь пускающихся в безумный разговор. В изысканности их изгибов – давно забытые слова, не высказанные ощущения и чувства, сомнения и стыд. Мольба и ненасытность, отзвуки и боль... Сонно цепенели губы... Порыв жаркого ветра растревожил сплетение ветвей в саду и пустил лунные тени в головокругительную пляску по стенам комнаты. Всё исчезло, унесённое в душную ночь запоздалым пробуждением...

Вообще-то на блондинок мне везло. Правда, одна была почти шатенка, другая многократно перекрашена, причём, как ни старался, я так и не смог определить тот цвет, который был присущ ей изначально, надо полагать, ещё в младенчестве. Впрочем, говорят, что от рождения до зрелости оттенки шевелюры нередко испытывают самые неожиданные, никем не предусмотренные превращения, то есть, произведённый на свет отъявленным брюнетом к моменту своего совершеннолетия может стать несчастным обладателем блекло-пегих или же ещё более «непрезентабельных» волос. А некий, вчера ещё кудрявый гражданин однажды утром обнаружит, что теперь имеет полное право экономить деньги на импортном шампуне, да и расчёска ему отныне не понадобится, поскольку указанные средства ухода за привычной внешностью оказываются вовсе ни при чём. Одна надежда, что к этому времени вновь возвра-

тится мода на бритьё голов и всё как бы само собой устроится. По счастью, женщинам подобные метаморфозы пока не угрожают. И то ладно!

У неё было совершенно не подходящее ей имя, странное, так мне казалось тогда, но удивительно чётко предопределившее всё, что потом случилось. Звали её... Впрочем, может, это и покажется не вполне учтывым, но имени я вам не назову. Скажу лишь, что это имя древнегреческого происхождения и означает то ли печальную песнь, то ли печальную судьбу. Во времена нашего знакомства я в мифологии разбирался ещё хуже, чем сейчас, поэтому более разумным мне представлялось следующее толкование, которое основано было почти на буквальном понимании этого созвучия. Ну, в общем, словно бы кто-то с самого рождения разлиновал ей жизнь, как разлиновывают школьную тетрадку, и в каждую строку вписал по одному событию, быть может, не из самых важных, но совершенно обязательных к своевременному исполнению. В четыре года у тебя выпадет молочный зуб, в шесть с половиной ты должна будешь отправиться впервые в школу, в двенадцать твой отец найдёт себе более подходящую жену, правда, и мамаша тоже без партнёра не останется. Ну а незадолго до того, как тебе исполнится шестнадцать лет, прыщавый одноклассник попытается лишить тебя невинности в полутёмной раздевалке во время празднования наступления нового года. Там было совсем не жёстко, на сваленных в кучу зимних пальто и, кажется, что-то у него даже получилось. А на одной из строчек этого будто бы заранее написанного кем-то дневника – и наша встреча. Знойным летом, на далёком южном берегу, в выгоревших под жарким августовским солнцем предгорьях Кара-Дага, где на каждом повороте узкого шоссе висело по огромному полотну Сёра и музыка моря упорно вторила пению Синатры, а белое крымское вино с успехом заменяло столь желанную прохладу...

Было ли в дневнике написано о том, что молодость не вечна, а потому распорядиться ею нужно в полной мере уже сейчас? Я этого не знаю. Помню лишь её рассказы о своих поклонниках, то ли правдивые, то ли выдуманные, наполненные непривычными для меня подробностями. Похоже, эти воспоминания возбуждали её гораздо больше, чем робкие ласки малоопытного любовника, заменяя что-то крайне важное, чего я пока не в состоянии был дать. Нет, не думаю, что в постели я оказался так уж плох. И всё же от меня требовалось совсем другое – персональная «Волга», диплом доктора каких-то там наук и ещё целая куча почётных степеней и званий. Признаюсь, её фантазии, наполненные ясным смыслом и заботой о совместном процветании, поначалу увлекали и меня.

– Ты будешь делать карьеру, а я тебе буду помогать! – нежно шепчет мне на ухо Полина, будем называть её здесь так.

И я млею от восторга, прижимаясь к её белой, такой желанной, такой восхитительной груди.

А вот интересно, как она себе эту помощь представляла? Возможно, и никак – просто, не особенно задумываясь, выполняла то, что было запланировано на страницах того самого дневника, используя его то ли как хрестоматию, то ли как наглядное пособие.

Когда мы возвратились в Москву, и я названивал ей, стараясь ненароком не нарваться на мужа, всё становилось ещё непонятней и запутанней. А уже после того, как Полина сообщила, будто ждёт ребёнка, я и вовсе оказался в положении случайного попутчика, от которого ожидают признания в краже чемоданов, которых он не брал. Надо же понимать, Москва – это вам не крымская вольница, где хоть и не было в те времена домов свиданий, но подыскать подходящее пристанище не составляло особого труда.

Должен вам заметить, что каменистая причерноморская земля не очень приспособлена для того, чтобы на ней более или менее регулярно заниматься тем, что прежде принято было называть любовью – теперь всё больше говорят про секс. Так вот, даже на диком пляже к ночи может сложиться столь неподходящая обстановка, когда без фонаря и шагу не пройдёшь, либо рискуешь нарваться на пограничный патруль, что тоже не особенно приятно. Словом, если вы

ограничены в выборе доступных вариантов и вам не пришло в голову нечто экстраординарное вроде намерения расположиться на крыше старинного княжеского особняка, рискуя при этом провалиться сквозь обветшавшую кровлю прямо кому-нибудь в постель – в этом случае самое милое дело это сговориться с какой-нибудь хозяйкой и арендовать на ночь комнатку. На крайний случай подойдёт даже специально, к открытию курортного сезона слегка «облагороженный» сарай. Простыню можете захватить с собой, посудой запастись совсем не обязательно – летней ночью шампанское куда приятнее пить прямо из горла. Ну а остальное зависит от вдохновения, состояния вашего здоровья и жизненного опыта... Да, не забудьте прихватить с собой томик «Камасутры».

Случаются, впрочем, обстоятельства, которые словно нарочно подталкивают к тому, чтобы, забыв об осторожности и о советах бывалых донжуанов, испытать именно то, что предназначено, сполна, без каких-либо скидок на настроение и врождённую разборчивость при выборе любовных связей. Представьте себе – ночь, скалистый берег моря неподалёку от обширного вольера, надёжно ограждённого рыбацкими сетями, и удивительно большая, просто громадная луна. И вот в ярком свете этого небесного светила сразу несколько дельфинов выныривают вдруг из глубины, встают на хвост и с шумом, с грохотом, подобным океанскому прибою, падают, разбрызгивая вспыхивающую огненным фейерверком воду... Ночь, луна и мы в компании с бывалыми киношниками и начинающими кинодивами, которые снимались, помнится, в какой-то короткометражке о подводном мире. Мы учимся пить спирт – тот самый спирт, что выделен на промывку аппаратуры для подводных съёмок – и за неимением более приличествующей случаю еды закусываем его консервированными керченскими мидиями. Если кто сомневается в том, что произошло потом, пускай попробует всё повторить, но только с самого начала...

Между тем факт остаётся фактом – в последние три месяца наши отношения с Полиной ограничивались едва ли не дружескими встречами, буквально накоротке, если не считать нечастых вояжей по московским ресторанам и поцелуев где-нибудь на скамейке в сквере, в подъезде или же в такси. Можете мне верить, всё обходилось без «постельных сцен», что было прямым следствием нерешённого квартирного вопроса. И вот неожиданно-негаданно случается весьма огорчительный итог. Логика подсказывала, что простофиля-муж оказался не таким уж простофилей, если очень вовремя сделал Полиночке ребёнка, меня же оставив, по сути, не у дел.

Да, насчёт плакучих ив у заросшего осокою пруда я, наверное, приврал. Похоже, это не могло быть с ней. Что поделаешь, надо же делать скидку на мою совсем не юношескую память. И всё же остаётся не до конца осознанное подозрение. Всё дело в том, что я так и не решился задать себе вот какой вопрос:

– Я или всё же не я отец ребёнка?

Вам никогда не доводилось искупаться ночью в море? Представьте, прямо в тельнике, в парусиновых штанах, в сандалиях на босу ногу, при этом строго выдерживая выбранное направление, вы ровным шагом идёте через пляж и, вызывая изумление у влюблённых парочек не берегу, не останавливаясь, то есть буквально аки по суху, и словно бы абсолютно ни в одном глазу, неторопливо бредёте себе в море. И продолжаете так двигаться, пока вода не окажется вам по грудь. И вот тогда бодрим, нельзя сказать, чтобы очень уж техничным кролем, вы совершаете заплыв до темнеющего в отдалении буя и тут же, не тратя время попусту на досужие размышления о том, о чём – в частности, а не стоит ли плыть дальше, скажем, в Турцию – лихо разворачиваетесь и тем же приблизительно манером возвращаетесь обратно. Затем как небезызвестный дядька Черномор... нет, скорее уж как совершенно некстати воскресший из небытия утопленник, вы появляетесь из моря, небрежно отряхиваетесь примерно так, как это делает собака в жаркий полдень, после рекомендованного ей заезжим ветеринаром лечебного купания, и вновь всё также нарочито медленно, словно бы совершая привычный моцион,

отправляетесь туда, откуда вы и пришли всего-то несколько минут назад... А вот теперь представьте себе, можно ли при столь своеобразно, столь прихотливо обустроенной вашей жизни, в состоянии ли окажетесь вы в этих обстоятельствах ответить на категорически поставленный вопрос? Да полноте, и не пытайтесь!

Вы, вероятно, догадались, что в молодости я изрядно покуролесил в компании не слишком обременённых запретами особ. Нет, только не подумайте, что я водился исключительно с пьяницами да нимфетками. Приходилось мне общаться и с весьма достойными, интересными людьми, уже тогда их известность была широка, разнообразна и неоспорима, как поясной портрет на обложке журнала «Огонёк». Однако так уж случилось, что все они как бы промелькнули мимо, словно бы и не заметили меня, либо же по странности или по недоразумению оставили без должного внимания факт моего не вполне осмысленного существования. Не скрою, иногда возникает подозрение, будто в этом я сам куда больше виноват. Распорядись я как-нибудь иначе тем, что предоставила судьба, глядишь, и жизнь могла бы сложиться по-иному...

Возможно, такое отступление кому-то покажется совершенно неуместным, поскольку обстоятельства моей юности, так уж мне представляется теперь, были для своего времени вполне типичны, а потому вряд ли могут стать причиной всего того, что произошло со мною позже. Скажи на милость, ну кого волнует, что было бы, сохрани я добрые отношения с известным театральным режиссёром или популярным комиком-конферансье из мюзик-холла? Не думаете же вы всерьёз, что благодаря знакомству я бы нашёл своё призвание где-нибудь на подмостках сцены? Да нет, мне думается, что ничего непоправимого в моём прошлом не было да и случиться не могло. Похоже, и сейчас всё идёт в соответствии со своим, однажды то ли мною, то ли ещё кем-то установленным порядком – и поиск информации в компьютере, и предварительный осмотр, и более кропотливое дознание, и соответствующие выводы, и приговор... Надеюсь, вы понимаете, что приговор – это всего лишь образно, проще говоря, условно. А вот что оказалось более реальным, так это странные особенности вошедшей пары, которые вынудили меня отвлечься от воспоминаний и приступить к выполнению своих прямых обязанностей, то есть заняться поиском выхода из неожиданно возникшей ситуации.

Так вот о странностях. Странно было прежде всего то, что милая барышня появилась в обществе этого разгильдяя и долдона. Нет, ну правда, до сих пор не могу никак понять – неужели трудно было подыскать себе кавалера попримечнее, и стоило ли вообще тратить силы на поиски этого сокровища? Скорее уж, он сам её где-то отыскал. Да, похоже, эта девица не из тех, что рыщут в поисках завидного жениха, и строят планы, и безумно огорчаются, потому что не сбилось, и наконец-то успокаиваются – вот это именно то и есть, что я заказывала, заверните, плиз! Ведь надо же понимать, что самый главный критерий в этом деле – прочность, основательность, как за воротами особняка, обнесённого внушительным забором. И не забыть про разделение обязанностей:

– Ты, милый, будешь делать карьеру, а я тебе стану помогать!

Нет, в самом деле – каким образом?

Тем временем топтуны у входа засуетились, намереваясь подсказать с виду не состоятельному клиенту, мол, сударь, куда вы прёте, вы ведь явно не наш! Возможно, к этому их подталкивал ещё и не совсем обычный его вид в сочетании с патлатой шевелюрой. Такое сочетание явной бедности и вопиющего нахальства в обрамлении пучка диковинных волос, под цвет слегка подгнившего фрукта неустановленной природы – это у кого угодно способно вызвать раздражение. И если бы не моё вмешательство, в результате чего удивлённые служаки расступились, всё могло бы закончиться если не кровавым мордобоем, то уж, во всяком случае, длительной истерикой не в меру ретивого ухажёра, по-видимому, возмечтавшего о карьере игрока.

К слову сказать, его настойчивость уже тогда вызывала у меня немалые сомнения. С чего бы это он ломится напролом, словно смысл его, по сути, только-только начавшейся взрослой жизни в том и состоит, чтобы поставить на кон жалкие остатки стипендии или то небольшое, что

заработал в стройотряде. И для чего, подскажите, ну зачем? Чтобы перед девчонкой пофорсить или же банально испытать удачу? Однако для этого не обязательно лезть на рожон – возьми, да прыгни с Крымского моста или же прокатись на крыше скоростного лифта в высотке на Котельнической. В наш ресторан с таким «богатством» в кармане не зайдёшь, а в номера без баксов тем более соваться незачем... Ну разве что юноша на известных основаниях запишется к нам в штат – находятся любители и на такого рода особые интимные услуги. Ах, да! Сегодня же аукцион – так ведь и там ему не светит! Чуть позже я топтунам об этом и сказал:

– Ладно, пусть пялится, лишь бы не буянил, а то в случае чего...

Нет, ну в самом деле, что мне оставалось делать? Не пускать? Однако это всего лишь означало бы, что я её больше не увижу. Можно, конечно, попытаться придержать кавалера, скажем, для личного досмотра по подозрению в распространении наркоты, а барышню тем временем галантно пригласить в наш ресторан, мол, я вас развлеку, откушайте мороженого с лимонадом, пока там не уладится. Подобные сюжеты у нас прежде наблюдались, если подружка приглянулась кому-то из владельцев заведения, а личность её спутника, судя по внешности, не представляла из себя буквально ничего – не депутат, не сын министра, не вор в законе и даже не известный журналист, а так, перебивающийся с хлеба на воду кооператор, в недавнем прошлом кандидат наук или безвестный инженеришка. Но одно дело хозяева, которым любое нарушение наших местных, ими же установленных понятий с рук сойдёт, и совсем с другого боку я. Тут ведь можно и доверия, и должности лишиться – это если совсем не повезёт.

И было ещё одно обстоятельство. Уводить очаровательную барышню у такого бедолаги, ну согласитесь – это уж ни в какие ворота не влезает! Всё равно, что оставить без куска мыла пришедшего помыться в бане или же вырвать из руки страждущего поднесённый ко рту бутерброд с паюсной икрой. Нет, решиться на такое надругательство я был положительно не в силах. Так что оставалось лишь единственное – дать топтунам отмашку, чтобы пропустили, и надеяться, что парень не поволочёт девчонку в номера.

Прежде, чем подняться по лестнице в наш игорный зал – именно там, как я уже сказал, по пятницам проводятся аукционы – он благодарно, как домохозяйка, неожиданно-негаданно выигравшая в лотерею миллион, посмотрел в мои глаза и, тихо, почти беззвучно, произнёс ту фразу, которую я буду помнить все оставшиеся мне годы:

– Это... верное решение!

И отчего-то подмигнул.

Глава 4. Исповедь Лулу

Так вот о чём мне поведала Лулу, если опустить слёзы, всхлипывания и прочие малозначительные детали.

Отец, то есть тот, кого она считала отцом, умер через несколько лет после её рождения. Как потом рассказывала мать, видимо, сердце не выдержало слишком уж активной, напряжённой жизни – работа, женщины вперемежку с выпивкой и картами. Эта гремучая смесь не доводит до добра. Впрочем, кому как повезёт, однако умный поостережётся.

Вскоре мать нашла себе нового друга. Был он в отличие от прежнего долговяз и тощ, но уж никак не меньше расположен к общению с женским полом, а всего более, как оказалось – с малолетками. Со слов Лулу, я представляю себе это примерно так.

Жил-был некий гражданин, звёзд с неба не хватал, здоровье так себе, личиком тоже вроде бы не вышел, а потому, что называется, за бабами не особенно приударял, хотя бы потому, что ничего ему там не светило. Как так получилось, что обратила на него внимание мать Лулу, в свои тридцать с небольшим лет довольно привлекательная женщина, вряд ли кто-то сможет объяснить. Самое большее, что скажут – просто повезло бедняге. Если же мать спросят, та скорее всего промолчит, хотя вполне допустимо предположить, что не смогла бы она найти другого такого, негулящего, да ещё имея на руках ребёнка.

Итак, о нашем нынешнем «герое», отчине Лулу. Нужно признать, что если с взрослыми женщинами он иногда робел, то вот с молоденькими девчонками держался значительно свободнее. И пошутить мог, и пикантный анекдотец рассказать, нередко вызывая у юных особ явные признаки смущения, а сам между тем еле сдерживал желание кого-нибудь из них, как бы это сказать поделикатнее, немного «приласкать». Это желание словно бы въелось в его натуру навсегда, как энцефалитный клещ впивается в нежно-розовую девичью попку. Всякий раз, стоило ему припомнить обстоятельства своей женитьбы, сознание его обволакивало знакомое чувство и вновь тревожило дремавшую доселе плоть. Вспоминал, как стояли они перед алтарём – нет, нет, конечно же, это было в загсе! – а чуть поодаль обреталась прелестная девчушка, подарок судьбы, плод несчастливого первого брака будущей супруги. Припомнил он и то, как украдкой заглядывался на тело юной падчерицы через приоткрытую дверь в детскую, как однажды будто бы спросонья не разобравшись, что к чему, то есть не заметив присутствия Лулу, вломился в ванную комнату и начал раздеваться, готовясь принять душ. И как потом оправдывался перед женой, мол, ни сном, ни духом... Ну что поделаешь, если накануне немного перебрал?

И вот однажды, когда жене полагалось быть на службе, он застал падчерицу дома одну – тогда-то всё между ними и случилось. Она не сопротивлялась, словно бы только того и ждала, только и прикидывала, когда же это произойдёт и наконец-то она станет женщиной. И приняла его удивительно легко, без криков и без стонов, только смотрела на отчима широко раскрытыми глазами, ожидая, а что ещё будет и как он это сделает, как повернёт её гибкое тело, как облапит её лоно, потом обхватит за тонкую талию, прижмёт к себе больно-пребольно... и удовлетворённый откинется на подушку. А она продолжала смотреть на его лицо, фиксируя все разнообразные оттенки его вожделения. И зачем только ей это было нужно?

А потом всё внезапно кончилось. Их застучали в самый неподходящий момент. Они уже закончили и почти оделись. Лулу убирала постель, он взглянул на её едва прикрытый кружевными трусиками зад, на полуобнажённое девичье тело, склонившееся над тахтой, и желание пересилило осторожность... В этот момент раздался звук открываемой входной двери и хотя любовники успели наспех привести себя в порядок, однако присутствие их обоих в спальне, подле неубранной постели не оставляло никаких сомнений в том, что здесь произошло.

От ногтей жены ему посчастливилось увернуться, но заявление в органы последовало вопреки готовности искупить вину, естественно, если компенсация будет в приемлемых размерах. И если бы не его мамаша, в то время заместитель районного прокурора, сидеть бы ему на нарах, и не один год. Да и то в лучшем случае, поскольку совратителей малолеток на зоне не особенно-то жалуют. Это – мягко говоря.

А потом её мать стала пить, причём всё чаще и помногу. К тому времени, когда Лулу окончила школу, мать была совсем плоха. Вскоре её не стало. Надо было на что-то жить...

– А ведь я уже видела тебя когда-то, очень давно, там, у нас дома, – еле слышно прошептала Лулу сквозь слёзы.

Вот те на! Душещипательная история, которая вроде бы уже подошла к концу, снова затягивается в узелочек. Неужто и мне пора всплакнуть? В сущности, всё, что она мне тут порассказала, могло не иметь ни малейшего отношения к реальности. Подобные сценарии, надо полагать, уже давно обкатаны, как те же скорбные просьбы бедолаг, с утра до вечера собирающихся по вагонам метро и электричек. Мне ли этого не знать! Не на того напала!

Так бы, наверное, я и сказал, если бы не эта неожиданная фраза. Самое неприятное заключалось в том, что это не был вопрос – тогда бы при желании не составляло особого труда так или иначе отвертеться. Каждый раз, когда нечто подобное случается, делаешь привычный финт ушами, и всё как бы само собой постепенно успокаивается. Но когда тебя ставят перед фактом, да ещё при столь печальных обстоятельствах... Надо же всё-таки и меру знать! Ну и что мне теперь делать? Изобразить, будто не расслышал? Я стал прикидывать, где и когда всё это могло произойти. Но отчего-то мои аналитические способности на сей раз не срабатывали. И то, что они мне изменили – это было явно неспроста. Короче, ничего другого не оставалось, как самому задать Лулу вопрос и с замиранием сердца ожидать, что же она мне на это скажет.

– Её звали Полина, – словно бы читая мои мысли, произнесла Лулу. Но лучше бы она этого не делала, лучше бы молчала.

Вот, значит, как...

А Лулу тем временем продолжала свой рассказ:

– Я помню, как ты довольно часто приходил в наш дом. Обычно вы с мамой уединялись где-нибудь вдвоём, как правило, на кухне. Пили вино, смеялись, а мне в это время уже полагалось спать. Но я тихонько подкрадывалась к чуть приоткрытой двери и всё видела. Видела, как ты тискал мою мать, как вы целовались, видела, как она садилась к тебе на колени и... Мне уже тогда всё это было интересно. Ну не знаю, почему интересно – просто так... А потом ты перестал к нам приходиться.

– Да, я как раз уехал в длительную заграничную командировку, – эти слова сорвались у меня с языка как бы сами собой, помимо моего желания. Тем более что о причине долгого отсутствия я загнул. При тогдашней должности мои поездки ограничивались разве что одной-двумя неделями. Но, честно говоря, не было уже никакой возможности молчать, то есть не было сил противиться тому неизбежному, что уже готово было свалиться на меня.

– И кто же тебе сообщил, что именно я твой отец?

– А разве не так?

Ну что ты на это скажешь? И вот снова появляется в глазах Лулу панический страх, словно бы и в самом деле она что-то сделала не так, словно бы по ошибке забежала совсем не в ту квартиру, и даже не в тот дом и не на ту улицу... Ответ напрашивался сам собой. Мог ли я ответить ей иначе?

Прошло несколько минут, к счастью, без взаимных упреков и радостных лобзаний. Лулу понемногу успокоилась, а я... Я в меру скромных сил пытался привести свои тягостные воспоминания в порядок. Припомнил, наконец, когда я мог в последний раз видеть Лулу – как же её тогда на самом деле звали? По-видимому, это было десять лет тому назад. Я тогда, как только увидел её, взглянул в эти большущие печальные глаза, сразу подумал – как жаль, что

это не моя дочь. Судя по всему, такие мысли изредка приходят в голову эгоистичным сластолюбцам, никчёмным болтунам, проплутавшим большую часть жизни, следуя незатейливым изгибам подсознания. Тогда-то и появляется эта слегка припозднившаяся, эта запоздалая, эта поздняя грусть.

Вот ведь как оно бывает. Держишься всё время молодцом, полагая, что так и будет всегда, то есть хотя бы очень долгое, предолгое время. А потом случится внезапно некое событие и сразу осознаёшь, что – старый. Старый престарелый, совсем никчёмный гражданин...

И всё же, так и остаётся невыясненным один вопрос – каким же образом Лулу оказалась здесь, то есть, почему именно со мной она столкнулась в лифте? Не всё же нужно объяснять волей неведомого Провидения. Должны же быть причины и более доступные для ума.

Так вот и появляется в её рассказе некто Антон, с которым Лулу познакомилась вскоре после смерти матери. Судя по описанию, довольно привлекательный молодой человек, студент какого-то там то ли института, то ли колледжа. Именно он в самую трудную пору оказывал ей посильную поддержку, подыскивал работу с таким заработком, чтобы можно было кое-как сводить концы с концами, успокаивал, когда было совсем невмоготу. Да, ей было очень не легко. После того, что случилось с отчимом, к своей ближайшей родне Лулу обратиться не могла. И стыдно было, да и, похоже, что на них с матерью давно рукой махнули. Никаких сбережений в семье не было. Обменять квартиру на меньшую жилплощадь Лулу не могла, поскольку необходимо было время на то, чтобы вступить в права наследства. Попробовала сдать комнату квартирантам, но это был сплошной кошмар – трудно предположить, чем могло бы кончиться, если бы не вмешательство Антона. Всё чаще в голову приходили ужасные мысли, поскольку ещё чуть-чуть и останется одна единственная перспектива – отправляться на панель. Ко всему прочему недавно выяснилось, что на часть квартиры претендует отчим, с которым Полина не успела развестись, так что, похоже, не обойдётся без суда, на который тоже требуются деньги. По счастью, на интимные услуги отчим уже не претендовал.

А где-то с месяц назад Лулу стала всерьёз задумываться о профессии путаны. К этому её подтолкнул один, пожалуй, очень странный разговор, в котором Антон описывал шикарную жизнь своей бывшей одноклассницы, ставшей элитной проституткой, иначе говоря, девочкой по вызову. По его словам, клиентами её состояли весьма приятные и почтенные люди – банкиры, топ-менеджеры крупных компаний и прочие видные представители мира сего. Так что высказываемые Лулу опасения по поводу того, что придётся «отдаваться» подонкам с толстым кошельком, здесь явно не катили. Вполне можно было рассчитывать на солидный доход и взаимовыгодное общение с интересными людьми.

– Речь ведь не идёт о том, чтобы ты всё время трахалась буквально с кем попало. Я думаю, что очень скоро ты получишь право выбора.

В общем, долго ему уговаривать Лулу не пришлось, и в итоге она наконец-то согласилась.

У кого возникла идея предложить её для розыгрыша на пятничном аукционе в нашем клубе, мне выяснить так и не удалось. Сославшись на мнение сведущих людей, Антон ей объяснил, что лучшей возможности, чтобы заявить о себе в мире секс-бизнеса, не найти, а потому нечего раздумывать – надо соглашаться.

– Сразу получишь приличный куш, двадцать процентов от выручки аукциониста, это чего-нибудь да стоит. Плюс бонусы от владельцев клуба, если им понравиться. В общем, было бы из чего конкретно выбирать... На первое время можешь даже маску на лице носить. Я думаю, никто против этого возражать не станет. Напротив, будет некий элемент таинственности. Клиентов это ещё больше возбуждает.

Так и случилось. И вот вчера Лулу взяли да и выставили на продажу. Если б только знать...

После аукциона Лулу стала нарасхват. Видимо, в нашем доме она и в самом деле оказалась случайно – надо признать, что даже здесь есть несколько элитных квартир с богатыми

обитателями. Но вот отчего остановился лифт? Неужто она вбежала в него на моём, семнадцатом этаже, а всё остальное было просто следствием царившей в моей голове сумятицы после неожиданного появления полубнажённой юной леди? Будто я голых девок не видал... Нет, ничего не понимаю!

Лулу я постелил на кухне – там у меня шикарный кожаный диван, пережиток прежней роскоши. Ну а сам расположился в комнате, на тахте, изрядно поизносившейся от длительного и интенсивного употребления. Уже засыпая, я подумал, что всё не так уж плохо складывается – Лулу останется у меня, здесь её почти наверняка искать не станут. От этой мысли мне немного полегчало.

Глава 5. Припоминая...

Иногда всё складывается так, что хочется остаться одному. Нет, не в квартире, не в доме, а чтобы вообще на много, много вёрст вокруг не обнаруживалось ни единого живого человека. Чтобы ни голоса, ни шёпота, ни стопа, ни дыхания. И даже чтобы все тропинки травой заросли. Такое вот странное, неодолимое желание. Неодолимое до тех самых пор, пока...

Ах, как жаль, что это не моя дочь! Судя по тому, что написали по этой теме классики, схожие мысли приходят в голову самовлюблённым идиотам, проплутавшим всю сознательную жизнь где-то в отдалении от радостей и огорчений, которые способна дать семья. Уютный дом, хорошая работа, красавица жена и дети, дети... Ну и, само собой, машина, дача... Тьфу, чёрт, чуть не сказал – любовница! Так уж бывает, что никем не контролируемое подсознание в самый неподходящий момент подкидывает именно то, что хотелось бы забыть.

Итак, о запоздалых сожалениях. Да, хорошо иметь семью, было бы кому позаботиться обо мне, если состарюсь, одряхлею, словом, окажусь совсем без сил. Признайтесь, что и вы подумали именно об этом. Да нет, на самом деле у меня даже и мысли такой не возникало, только горечь, что вот была бы у меня дочь... И что особенного мне от неё надо? Лишь бы смотреть да радоваться, и больше ничего.

Вообще-то, лень – это у меня наследственное. Вместо того чтобы, как принято говорить, взять да засучить рукава и ковать, ковать своё семейное счастье, я оказываюсь способен лишь на то, чтобы вот так смотреть как бы совсем со стороны. Да, это занятие вряд ли вызовет ко мне уважение общественности. Скорее уж наоборот – мы вот тут корячимся, терпеливо переживаем семейные скандалы, стараемся пропустить мимо ушей занудливые причитания жены, каждый вечер ложимся с ней в постель и потом в крошечной темноте, да притом ещё чуть ли не зажмурясь, работаем над продолжением рода человеческого. А этому всё ни почём, ему, видите ли, всё это лень! Да как так можно!

Ну что поделаешь, если на самом деле лень? Лень уходить из дома навсегда, лень видеть слёзы, слышать крик и плач, лень убеждаться в том, что так жить дальше просто невозможно. Вот прожили вместе год, ну пару лет, и вдруг видишь перед собой совершенно чужого человека. В нём всё чужое – мысли, чувства и слова. Даже то, как он, то есть она называет своих сослуживцев по фамилиям. Как пересказывает, кто чего сказал. Как повторяет в разных вариантах одну и ту же много раз слышанную мною фразу, лишь бы не молчать. Потому что в тишине и ей тоже в голову может прийти такая же ужасная, такая же необходимая мысль, которая то и дело возникает у меня. А мысль как никогда проста – встать, уйти и больше никогда не возвращаться.

В тот год Полина предложила отдохнуть вдвоём в Мисхоре. Дочку можно оставить у свекрови, та вроде бы на всё лето дачу в Кратове собралась снимать.

– Ах, как чудесно было бы! – воскликнула она, пытаясь при этом повиснуть у меня на шее. Видимо, запомнила, что я этого не люблю, и уж совсем не переносит таких нагрузок моя поясница.

Впрочем, против поездки я не возражал. Пришло то самое время, когда надо расставаться с прежними привычками, с раздольной жизнью где-нибудь на диких пляжах под Судакком или недалеко от Коктебеля. И шампанское впору уже научиться пить только из бокалов, а консервированным сосискам «мэйд ин Дания» следует предпочесть более солидное меню. Вот именно так мы тогда и порешили.

Надо сказать, что к тому времени малышка, дочь Полины, подросла, и при встречах на квартире у Полины временами нам становилось как-то даже не по себе, словно бы мы занимались чем-то непристойным. И ещё иной раз возникало ощущение, что там, за дверью притаился то ли человек, то ли угрюмый призрак, чем-то отдалённо напоминающий покойного

мужа, и всё подглядывал, подсматривал за нами, словно намереваясь накопить изрядно злобы и жестоко отомстить. Понятное дело, что встречаться у меня дома тоже было невозможно – совсем не интересно фантазировать на тему, как бы на это прореагировала моя тогдашняя жена. Да и очередным отпуском грешно было не воспользоваться. Так что поездка во всех смыслах оказывалась очень кстати. Правда, стоило немалых трудов представить её как срочную командировку по служебным делам.

После нескольких попыток нам удалось снять приличную квартирку – не очень близко к морю, но зато уж в относительной тишине. Помнится, как-то в Гагре мы с ребятами жили в доме, неподалёку от которого вниз по склону горы располагался ресторан, весьма популярная, особенно по вечерам, достопримечательность местного курорта. «...За жизнь нашу цыганскую, за жизнь нашу армянскую...» – вот эта знаменитая, бессчётное число раз, на самые разные лады повторяемая фраза из какого-то романса возникала в моих ушах каждый раз, стоило увидеть где-нибудь на черноморском берегу даже самое захудалое кафе или закусочную. Возможно, именно поэтому я с тех пор и предпочитаю отдыхать преимущественно дикарём, вдали от мест скопления курортников и кочующих по городам оркестров. Но это был особый случай.

Надеюсь, все согласятся с утверждением, что свобода лишней не бывает. Свободой надо пользоваться, пока она есть, пока дают. Поэтому стоит ли удивляться тому, что, наскоро подкрепившись после утомительной дороги, мы первым делом, не дожидаясь ночи, решили опробовать кровать. Двухспальная, деревянная, она на первый взгляд производила весьма благоприятное впечатление, обещая много приятных дней, часов, ну или хотя бы минут.

Скрип колёс несмазанной телеги и даже скрежет рессор изрядно перегруженного тягача, сливаясь они в унисон и воедино, не смогли бы сравниться с тем, что огласило ближайшую округу и вершины окрестных гор. Стаи чаек поднялись над гаванью и скрылись в отдалении, ласточки и стрижи попрятались на чердаках. Местные жители и тихо-мирно отдыхающие квартиранты высыпали из домов и из курятников на улицы, ожидая катастрофы – что поделаешь, если у всех одновременно возникла мысль, будто эти звуки издавала нависшая над побережьем огромная гора, которая совсем некстати, то есть по какой-то кошмарной, никем не предусмотренной причине вдруг пришла в движение.

На самом же деле, это не земля разверзлась, и крымские горы тут были явно ни при чём, и незачем было возводить на них напраслину. Эти неприличные звуки издавала наша великая труженица, наша производительница, наша заботливая попечительница – деревянная кровать.

Самое время было это безобразие прекратить, но что-то не вполне понятное творилось в эти мгновения с Полиной, я даже подумал, уж не потеряла ли она на время слух. Трудно было поверить, чтобы в её сознании, а может быть, где-то глубоко в подкорке именно эти звуки ассоциировались с таким понятием, как секс. О тонких и возвышенных чувствах я вообще не вспоминаю.

И тут Полина прокричала:

– Это же чудо какое-то!..

В этот момент словно бы что-то стукнуло меня, причём самым непозволительным образом – так, наверное, бьют исподтишка. Э, нет! А вот об этом мы не договаривались. Так ведь, чего доброго, ляжешь в постель совсем свободным, а наутро проснешься закованным в стальные кандалы. Стоит мне только поддаться этим, столь настойчиво внушаемым мне Полиной настроениям, как всё – пиши пропало!

Но видимо, оголтелый скрип кровати способен напрочь заглушить те робкие сомнения, которые время от времени рождаются в нашей голове. Тем более что голове при этом деле положено быть в довольно длительном невразумлении. А может, всё гораздо проще, то есть я был пьян, вот только не вполне уверен – от любви или от чего-нибудь другого. Ещё менее вероятно, чтобы в тот вечер стрелы Амура по нелепой или кем-то подстроенной случайности все до единой пронзили только Полину и меня.

А наутро она меня и спрашивает:

– Ты помнишь, что говорил вчера? – и делает такие пронизательные, такие умные и такие наивные глаза.

И что я мог ответить? Если честно – я был просто ошарашен! Нет, ну в чём бы я ни признавался накануне, какие бы романтические предложения ни высказывал, нельзя же словно бы нож к горлу приставлять – скажи да скажи, ты правду говорил или же опять... Ну как так можно? То есть, может быть, я что-то и говорил ещё вчера, но вот сейчас именно – ничего, ну просто абсолютно ничего не в состоянии припомнить. И вообще, в чём собственно дело и почему я обязан что-то вспоминать?

Ах, эти нежные, милые создания! Уж так они любят красивые и ласковые слова. Их хлебом не корми, дай только послушать. Я ещё могу понять, когда дело происходит в колумбийской мыльной опере. Но если мужчина изрядно подшофе, да ещё оба находятся в известных обстоятельствах, когда ни она, ни он не имеют возможности оценить реальность беспристрастно, можно ли доверять сгоряча высказанному мнению? Приятно слышать – тут я с вами соглашусь. И верить в искренность намерений тоже можно. Даже нужно! Но ведь и то необходимо понимать, что всё, что при этом было сказано – это ведь не для протокола!

С тех пор прошло, наверное, с десяток лет. Впрочем, осенью того же года мы в последний раз встретились с Полиной. Был сырой и слякотный октябрь. Выйдя из ресторана, не торопясь отправились в сторону метро. Однако честно вам скажу, что в этот раз провожать её домой мне отчего-то не хотелось. Она словно бы сама это почувствовала и предложила зайти к своей подруге, обитавшей там же, недалеко от площади трёх вокзалов, в районе Каланчёвки. В сумерках мы проплутали с полчаса, пока нашли в глухом, еле освещённом фонарями переулке стоявший на отшибе дом с покосившейся входной дверью и кривыми деревянными ступенями, ведущими вверх. Там-то и жила её подруга, коллега по работе, вроде бы недавно к ним на службу поступила. Звали её Нина. Не знаю, зачем Полина привела меня туда, но мне отчего-то показалось, что это было сделано вовсе не случайно, словно бы об этом было написано в том самом дневнике, который назывался Полининой судьбою.

Так вот о её подруге. У Нины была удивительно нежная, ласкающая одним лишь своим видом кожа, я даже не представляю, с чем бы её можно было сравнить. Все известные мне на этот счёт метафоры ничего не говорят, скорее, просто вводят в заблуждение. Вот, кажется, что стоит вам закрыть глаза и провести ладонью по шелковистой ткани, и вы испытаете то самое чувство, которое я испытал, прикоснувшись к руке Ниночки. Да ничего подобного! Ну ни в какое сравнение не идёт.

Нина приехала в Москву в надежде поступить в торговый институт. Родители последние несколько лет почти весь заработок откладывали на оплату обучения – сажали картошку на продажу, а когда наступал грибной сезон, отец брал отпуск и каждое утро на рассвете заводил свой мотоцикл и гнал куда-нибудь во Владимирскую глухомань, под Вязники или под Муром. В тех местах опытному грибнику не составляло особого труда за несколько часов набрать сотни три-четыре отборных боровиков, а больше и не помещалось в коляске мотоцикла. Я было подумал – вот мне бы туда как-нибудь попасть, но признаюсь, опять же лень-матушка не отпускает.

Однако в Москве у Нины что-то не заладилось – то ли денег не хватило, то ли экзамены не сдала. В отличие от известных мне, весьма и весьма разговорчивых провинциалов Нина была довольно скрытна, мало, о чём мне рассказывала, словно боялась, будто стоит кому-то поведать о своих делах, так непременно сглазишь, и всё потом пойдёт наперекосяк. Но тут, по видимому, у каждого свой опыт, и потому свой взгляд на жизнь срabатывает. Впрочем, у меня возникло подозрение, что приметы тут были ни при чём. Скорее всего, кто-то из экзаменаторов глаз на нашу Нину положил и даже не исключено, что предъявил ей нечто вроде ультиматума – либо вместе ляжем в койку, либо в другом месте придётся тебе воплощать в жизнь свою заветную мечту. В пользу этого предположения говорило намерение Нины поменять желаемую

профессию и соответственно поступать в какой-нибудь другой вуз. Ну а внешние данные этой юной провинциалки говорили сами за себя и, конечно же, подтверждали высказанную мной версию. Жаль только, что росточком она явно не дотягивала до стандартов топ-моделей, а то ведь не исключая, что её могла ждать совсем, совсем иная судьба. Что до меня, такое развитие событий вашего покорного слугу вполне устраивало.

Сам не знаю, и зачем я теперь про Нину вспоминаю? Видимо, потому, что просто время для этого пришло. Время вспомнить о том, как через год, тоже осенью гостили мы с ней в выходные дни на даче у приятеля, даже успели рано по утру в лес сходить, а после тёплых проливных дождей в том сентябре грибов в лесу было видимо-невидимо. Да, что-то я опять всё про грибы – ну так ведь август, сезон только начинается... И вот, чтобы вернуться нам на дачу, нужно было перейти шоссе. Если бы знать заранее, что, пробежав несколько метров, она остановится на полпути, остановится только для того, чтобы потянуть меня обратно... А слева под горку катилась огромная махина тяжелого грузовика и за ним дальше нескончаемый поток машин – его-то я и хотел опередить, чтобы не торчать нам на обочине.

Удар грузовика пришёлся Нине в грудь. Собственно, ещё чуть-чуть и грузовик задел бы её лишь по касательной, потому что в последнее мгновение водитель всё же попытался машину отвернуть. У меня до сих пор при воспоминании об этом возникает в ушах жуткий визг автомобильных тормозов, а перед глазами – мокрое от недавнего дождя шоссе, сплошь усыпанное нашими грибами. И лежащая среди них Нина...

На суде адвокат водителя, работавшего в какой-то крупной фирме, настаивал на том, будто Нину под колёса чуть ли не намеренно толкнул я. Да с какой стати? Чтобы я ни с того ни с сего кого-то под колёса бросил? Это, каким же надо быть уродом, чтобы такое предположить! Ну да, ещё бы рассказали, что была проведена операция спецслужб. И ведь никто не обратил внимания, что я и сам в этом деле пострадал – меня ведь тоже садануло по руке, той самой, в которой я удерживал руку Нины. Но вот случилось так, что не удержал.

В общем, вскоре после того случая у меня начались неприятности по службе – что поде-лаешь, если на моей прежней работе от персонала требовалась кристально чистая репутация, а тут... Да и то сказать, когда опытный сотрудник попадает в подобный оборот, это либо означает, что к работе он уже совершенно не пригоден, либо позволяет предположить преступное намерение, в данном случае, как ни странно, именно с моей стороны. И конечно, сыграла свою роль наша с Ниной, правда, толком не доказанная связь и её беременность, хоть я, как мог, пытался убедить судью, что мы с Ниной практически даже не были знакомы, так что и умысла с моей стороны, каких-то житейских разборок в принципе не могло быть. Ну в самом деле, не мог же я признаться в том, что между нами как раз накануне произошёл крайне неприятный разговор, в котором я просил, даже умолял Нину избавиться... Нет, просто говорил, что вот сейчас нам это совершенно ни к чему. Видимо, там, на середине шоссе Ниночка и приняла решение. Поэтому и попыталась словно бы всё вернуть назад, возвратиться туда, где кругом были только лес, птицы, звери и не было ни меня, ни других охочих до женских прелестей лживых и лицемерных мужиков.

В общем, слава Богу, для меня всё более или менее удачно обошлось. Хотя при увольнении потерю бдительности всё же приписали, причём с соответствующим понижением воинского звания. Я, правда, попытался оспорить это решение, однако все старания оказались ни к чему.

Увы, но чем больше я задумываюсь обо всех этих событиях сейчас, чем чаще перебираю в уме причины и последствия, тем всё отчётливее в моём сознании возникает следующая мысль. По-видимому, вот именно такой я то ли уродился, то ли кем-то был «запрограммирован» именно вот так, и только поэтому помимо своей воли приношу несчастье всем, и, прежде всего, самому себе. Впрочем, последнее утверждение основано лишь на эмоциях, а посему его следует считать довольно спорным. Однако не потому ли Полина так и не призналась, что у

меня есть дочь? С другой стороны, сказав об этом Лулу, могла ли она наверняка знать, что именно я отец её ребёнка?

Припоминая хитросплетения своей бурной жизни, я проворочался в постели довольно долго и, наконец, забылся тяжким, беспокойным сном.

Глава 6. Вопросы и ответы

Знали бы вы, как нелегко признаться в том, что когда-то совершил. Даже если это не преступление, не предательство, не подлая измена. Да просто так сложилась жизнь, просто так, а не иначе распорядилась мной судьба. Что тут поделаешь?

Вот и с Полиной, вроде бы убеждаешь себя, что иначе поступить не мог, а потом вдруг словно бы тяжкий груз навалится на тебя, так что дыхание перехватит и что-то неумолимо сдавит сердце. И вынужден выслушивать о себе такое, в чём даже при куда более грустных обстоятельствах не признаётся никто и никогда. А в результате происходит бог знает что, и даже выпасться как следует не успеваешь.

В последнее время, что в глубоком сне, что наяву, на меня накатывает что-то непонятное. Я даже слышу чьи-то голоса. А стоит мне закрыть глаза, как перед мысленным взором возникает совсем не то, что меня на самом деле окружает. И будто бы я это, и вроде бы уже совсем не я. Мысли и желания какие-то необычные, прежде ничего такого меня не посещало, ну разве что совсем чуть-чуть. А тут ведь целый ворох мыслей и проблем – ума не приложу, и откуда что берётся?! В конце концов, должно же быть этому логическое объяснение, однако никто ничего не говорит, да и мне самому ничего путного в голову так и не приходит. Вот и остаюсь в полном на этот счёт неведении, но ведь и то верно, что с таким тяжёлым багажом проблем, с таким обилием мучительных вопросов спокойно жить нельзя. И вот уже открыл глаза, но по-прежнему ничего не понимаешь.

А между тем со стороны кухни потянуло запахом яичницы и ароматом свежемолотого кофе. Удивительное дело, не мог же я за ночь настолько раздвоиться, поделившись частицей своего «я» с неким воображаемым двойником, чтобы одновременно лежать в постели и готовить себе завтрак. Успокаивало отчасти то, что кофе я по утрам не пью, ну нет такой потребности. С другой стороны, это означало, что в моей квартире присутствует кто-то чужой, либо наоборот – я нахожусь в неизвестной мне квартире. Впрочем, так это или не так, проверить не составляло особого труда. Я мельком глянул на противоположную стену, затем боковым зрением налево – да, всё на месте. И «Одинокий пианист» по-прежнему играет джаз, а странные, полубогажнённые фигуры всё также находятся в плену «Психоанализа». Для непосвящённых – там висят мои картины, в некотором роде, образы далёких, полузабытых лет.

Итак, судя по всему, у меня гостя. А поскольку не подаёт завтрак прямо мне в постель, мы с ней ещё не достаточно близки, чтобы заниматься любовью, одновременно поглощая яичницу и бутерброды с кофе. Тут неизбежно возникает вопрос – а кто в таком случае это может быть? Впрочем, подобные задачки решаются элементарно просто. Я потянулся, помассировал себе немного руки, шею, грудь, после этого не торопясь откинул одеяло и стал выбираться из постели, одновременно засовывая ноги в шлёпанцы. И лишь затем, в чём был, то есть в голубых сатиновых трусах отправился выяснять, что там и как, на кухню. Сразу скажу, что после недавно случившегося разочарования с некой Томочкой, ничего хорошего от посещения даже своей собственной кухни я не ожидал.

За сервированным к завтраку столом сидела юная леди в моей любимой, динамовской футболке, которая, подчёркивая некоторые особо выдающиеся особенности девичьей фигуры, целомудренно прикрывала верхнюю часть ног. Надо признать, всё, что я увидел, было сделано со вкусом, то есть именно так, как полагается – и сервировка, и яичница-глазунья из четырёх яиц на пышущей жаром сковородке. И даже светлая чёлка моей гостьи вполне гармонировала с интерьером кухни, в основном выдержанном в бежево-коричневых тонах с отдельными вкраплениями оранжевого и бледно-зелёного. Сама же гостья, изящно подперев рукою голову, выжидательно смотрела на меня.

– Доброе утро! Если не хочешь, чтобы кофе остыл, тогда поспеши, пожалуйста.

Какое отношение к приготовленному кофе имел предстоявший мне утренний туалет, я так и не осознал, видимо, спросонья это трудно сделать. Но было ясно, что чаю мне сегодня не видать и даже для бритья времени уже не оставалось. Что ж, тем хуже для неё, ну а я без утреннего поцелуя как-нибудь да обойдусь – по правде говоря, не одобряю я все эти телячьи нежности. Наскоро сполоснув лицо и надев рубашку, я присел за стол.

Интересно, надо ли мне первым представляться или же она сама своё имя назовёт? С некоторых пор я стал замечать, что по утрам у меня случаются провалы в памяти. Можно предположить, это оттого, что плохо спал, либо насыщенный событиями сон смешал всё в кучу, так и не связав отдельные фрагменты впечатлений в некие безвредные для моего сознания сюжеты. Итак, а что же будет дальше, пытался я угадать, кусок за кусочком отправляя в рот горячую глазунью.

– Вкусно? – неторопливо прихлёбывая кофе, поинтересовалась Лулу.

Ну да, конечно... То есть, именно так я и ответил. Но если вы решите, что после того, как я всё вспомнил, сразу расхотелось есть, тут-то вы уж точно ошибётесь, поскольку ничто так не возбуждает мой аппетит, как неразгаданная тайна или незавершённое расследование. К слову, именно на этот случай я и таскаю с собой на работу бутерброды. А вы что думали – неужели и впрямь поверили, будто меня там из рук вон плохо кормят?

Так вот, переходя от гастрономических изысков к проблемам личного характера, перво-наперво следовало определить – моя ли это дочь? И если так, то зачем она сюда явилась? Впрочем, ответ на чётко сформулированный вопрос вполне мог повлиять на то, смогу ли я поверить в остальное, потому как самое надёжное средство выяснения истины – это поймать подследственного на противоречиях, иными словами, вынудить к тому, чтобы он неопровержимо свидетельствовал против самого себя...

Ну что за дела! Нет, всё-таки не выпив с утра чаю, я способен исторгнуть из своей утробы лишь форменную чепуху. Надо же и то понимать, что кофе я пью по ночам, когда это требуется для работы. Отсюда и все эти экзерсисы насчёт клиентов с их невыносимо надоевшими противоречиями – то есть просто-напросто срабатывает чисто профессиональный интерес. Здесь же ситуация в корне отличается от вполне привычной. Вот и думай теперь, что делать и что бы такое предпринять – эти самые вопросы и вертелись в моей голове, пока я допивал понемногу остывавший кофе.

Собственно говоря, всё, что требовалось сейчас, это просто продолжить диалог, поскольку Лулу, похоже, исчерпала свой запас банальных фраз, необходимых для поддержания застольной, ничего не значащей беседы. Что же касается меня, то для того, чтобы я с утра связал хотя бы пару слов, требуются усилия невероятные и даже не столько от меня, сколько от предмета моего внимания. То есть я сам всего лишь готовился к тому, чтобы внимать. Внимать – это потому, что вроде бы с моей стороны всё, что только можно, было ещё накануне сказано.

И тут вдруг Лулу задала неожиданный вопрос:

– Я тебе нравлюсь? – и сделала грустное, слегка задумчивое лицо.

С чего бы это? Вот так вот я сижу, смотрю на неё и не могу понять, то ли я сплю и вижу сон, то ли наяву всё происходит. И снова она повторяет эти дивные слова:

– Я тебе нравлюсь?

А я повторяю тоже, но уже вслух:

– С чего это ты?

– Я же вижу, как ты мучаешься.

Господи! Ну и о чём ещё тут нужно говорить? Взять бы её под белые ручки и в койку! А потом... И вот когда явь кончится, начнётся снова сон. Или же нет, наоборот, прекрасный сон вдруг обернётся мерзкой явью. И ощущаешь себя полным и окончательным подонком. К вашим услугам, господа!..

Однако какие только видения не возникают в этой бедной голове! Я даже иногда задумываюсь, а всё ли у меня с головой в порядке? К несчастью, заболевший разум не может сам распознать свою болезнь. Впрочем, все эти то ли придуманные мной, то ли сами собой возникшие видения оказываются здесь совершенно ни при чём.

На самом же деле, я был просто потрясён – оказывается, всё-то девчонка понимает и, возможно, даже гораздо лучше, чем могу понять я. Трудно было предположить такое в её возрасте, но не в том ли дело, что Лулу пошла в отца? Речь, конечно, идёт о психологии, о способности разобраться в характерах и желаниях людей. Но тогда почему она не раскусила этого Антона? Разве что жизнь заставила его поверить. После таких догадок или, если хотите, довольно убедительных предположений, мне стало грустно. Самое время было закурить.

– Видишь ли, в чём дело, – эти очень умные, весьма значительные слова, затянувшись, как следует, «голузкой», я с трудом выдавливал из себя, по ходу монолога прислушиваясь к произносимым звукам и пытаюсь сообразить, что бы ещё такого ей сказать. Но более всего я озабочен тем, как это вымученное мною красноречие отзовется, то есть как отреагирует на него Лулу. – Так вот, люди с такими взглядами, какие примерно у меня, очень ценят свою личную свободу. Точнее, то не вполне внятно выраженное ощущение, которое можно было бы этим словом обозначить. И вот приходишь ты, причём появляешься передо мной, надо сказать, очень, очень странным, если не сказать, экстравагантным образом, отчего даже возникают некоторые подозрения, а потом вдруг заявляешь: «Здравствуй, папа! Я твоя дочь!» Ну согласишься хотя бы, что с таким резким изменением в привычной обстановке любому человеку нелегко бывает свыкнуться.

В общем, если по сути, то я так и не решился ответить на её вопрос. Прежде всего, потому, что сам в себе, в своих ощущениях ещё разобрался не достаточно. Что делать, но иногда правда оказывается куда опаснее, чем самые лживые слова. Вполне возможно, что и Лулу примерно так же рассуждает. Ну говорю же, вся в отца! Однако ограничиваться одними недомолвками – так не полагается.

– Итак, каким образом ты попала именно на мой этаж? С какой стати сразу же заговорила по-английски? И, наконец, откуда у тебя взялся этот малороссийский выговор, чёрт его возьми?

Произнося эти слова, я даже сам был себе не рад. И дело даже не в том, что с малороссийским выговором на английском языке говорить совершенно невозможно. Однако в какое же положение я поставил симпатичную девицу? Вот сейчас, поняв, что разоблачена, она уйдёт, а я опять останусь при своих. И всё, что предстоит мне в ближайшей перспективе, это заглядываться на чужих подруг и подбирать на улице беспризорных шлюшек вроде Томочки. Не лучше ли было бы просто признать в Лулу свою дочь и на этом, хотя бы на сегодня, успокоиться?

Но к моему удивлению, Лулу после моих слов ничуть не возмутилась, и не устроила скандал, и даже не заплакала. Только повела легонько головой в сторону окна и едва заметно улыбнулась.

– Какое утро замечательное! – эти удивительно простые, добрые слова словно бы выпорхнули сквозь чуть приоткрытые губы из её крохотного рта и тут же рассеялись в пространстве, предварительно вызвав многочисленные отражения от стен, от потолка. И продолжали звучать даже тогда, когда на самом деле слышалось лишь слабое её дыхание, да ещё глухие звуки, издаваемые моим сердцем.

Впрочем, должен признаться, что этих своих вопросов я так и не задал, и потому реакция на них Лулу явилась всего лишь плодом моего воображения. Но я уже готов был поверить в то, что я спросил, а она ответила. Да, я был готов простить ей всё! И ту, ничем не объяснимую встречу в лифте, и поначалу вульгарный макияж. И даже закрыть глаза на некоторую неряшливость в её одежде я бы тоже согласился. Только бы продолжалось это наше свидание, только бы Лулу снова произносила эти свои волшебные слова, а я бы слушал её, покуривая сигарету

и мысленно воздавая хвалу необыкновенному, чудеснейшему утру. Правда, вот именно это оказывалось не совсем так. Во-первых, потому что на смену утру давно уже пришёл день, да и с чудесами в наше время всё обстоит не так-то просто.

Не просто, потому что невозможно всё отыграть назад. Время, как ни изощрайся в мысленных оправданиях или догадках, летит неотвратно. Разве что где-нибудь в недрах подсознания оно несётся вспять, пытаюсь расчистить прежние завалы из наслоений подлости, лжи и самообмана, или хотя бы частично восстановить то, что было окончательно разрушено здесь, рядом, наяву. А ведь другого нам и не дано – можно лишь чего-то ждать, можно лишь надеяться на что-то...

Вот и теперь предстояло ожидание. Только чего мне ещё можно ждать?

Признаюсь, немногословие Лулу меня поначалу несколько смутило. Словно бы она плохо вызубрила кем-то написанную роль. Словно и взаправду её наняли всего лишь для того, чтобы к чему-то вынудить меня или спровоцировать на опрометчивый шаг, а то и вовсе на уголовно наказуемое преступление. Вот ведь вполне может оказаться, что моей новой квартирантке и шестнадцати-то ещё нет. Приехала на заработки то ли из Саратова, то ли из Таганрога, забросив школу и выучив на всякий случай несколько выражений по-английски. «My God!» – так в пору выражаться какой-нибудь американской кинодиве, а не девчонке из глухого захолустья, ещё недавно торговавшей семечками на базаре по червонцу за стакан. Впрочем, теперь вроде бы девчонки другие занятия для себя находят.

В конце концов, ей можно посочувствовать. Не исключено даже, что и в самом деле осталась без отца, без матери и вынуждена пуститься во все тяжкие в поисках средств к существованию. Поэтому так и хочется себе сказать: «Охлонись, родимый!» Так нет же, только гнусные намёки готовы сорваться с языка, а в голове сумбур из подозрений...

Однако всё началось гораздо раньше. В тот день, выключив компьютер и обсудив со словоохотливыми топтунами последние события в клубе, я самую малость подремал и несколько позже, находясь примерно на полпути от столика в кафе до стойки бара в ресторане, повстречал Клариссу с Томочкой. Как было таким подарком не воспользоваться!

Глава 7. В постели с Томочкой

Ну вот опять! Сколько уже раз давал себе слово не напиваться, и вот, изволите ли видеть – снова... Чего я там вчера нагородил? Ах, как стыдно! Помнится, писал когда-то – «слабость останется, враг иль скиталица?» Ну ясное же дело – враг! К скитаниям это мероприятие совсем не приспособлено. Сидишь и наливаешь в себя, как в тот бездонный бурдюк... Впрочем, мысль, она, и взаправду, теперь незнамо где скитается, а на душе только глухая тоска и пакостное ощущение, будто в который уже раз вляпался в дерьмо. Фу, мерзость! Да чтобы ещё хоть раз! По-видимому, правы мудрецы – смысл падения именно в том, чтобы подняться. Встать из небытия, проснуться утром после жестокого подпития и просто в меру сил постараться сохранить себя среди живых. Кстати, я сам это только что придумал. Ах, если бы не сон...

Томочка задумчиво посапывает. То ли придурируется, то ли и в самом деле спит. Я продолжаю настойчиво мусолить её сосок, но ответной реакции по-прежнему не наблюдается. Видимо, потребность в здоровом, полноформатном сне пересиливает другой не менее значительный инстинкт – необходимость продолжения рода человеческого. В сущности, она права. Если бы люди могли раз за разом отдаваться друг другу исключительно во сне, точнее сказать, в кристально чистой, непорочной фазе сновидения, это занятие потеряло бы значительную долю того, чем оно до сих пор многих привлекает, доставляя ощущение душевного комфорта и приятности. Ещё более огорчительным кажется мне то, что в состоянии сонной прострации можно непоправимо перепутать заранее выбранный объект с совершенно никчёмным персонажем. А уж дамы, склонные к сомнамбулическим блужданиям по чужим постелям, рискуют вовсе неведомо от чего зачать.

Вот поэтому я настойчиво пытаюсь разбудить Тамару. Мешает только то, что по другую сторону от её пышного, едва прикрытого простынёй и такого соблазнительного тела располагается свояченица, по крайней мере, так она представилась. Кстати, весьма и весьма неглупая баба, однако в личной жизни, как показывает опыт, совершенно бесполезная, если не сказать – вреднее не бывает! Нет, ну только представьте себе, что будет, если дипломированного филолога, редактора солидного журнала, а по совместительству лектора из общества по распространению гуманитарных знаний обрядить как на торжественный приём и заставить раздеваться при солидной публике. Кому смешно, а меня от этого юмора мутит, как с очередного перепоя...

На кухне тем временем всё громче и громче грохочет табуретка, затем вдруг устанавливается непонятная, ничем вроде бы не объяснимая тишина и чьё-то нежное сопрано, переходя в шипящий шёпот, умоляет:

– Не надо! Он же всё узнает... ах, не надо... я его люблю-ю-ю...

Но тут же следует сдавленный крик:

– О, Господи! Хорошо-то как! – и вновь начинают раскачиваться качели. Ну до чего же выносливый народ, оказывается, эти тамарины сожители!..

Я снова просыпаюсь под грохот табуретки. Нет, должно быть, это моё сердце. Из последних сил грохочут клапаны, выполняет свою тяжкую работу миокард, блуждают в отравленном алкоголем организме потоки то ли алой, то ли бурой крови – да кто её там разберёт? И самое главное, что непривычно тяжело, с натугой и абсолютно без всякого желания дышится. Если б можно было, так и вовсе б не дышал... Я вспоминаю то, что произошло вчера, и не могу решить, что лучше – снова заснуть или же совсем не просыпаться? И всё-таки, скажет кто-нибудь, что это стучит – моё уставшее от бестолковой жизни сердце или деревянный молоток патлатого затейника, подрядившегося вести торги на пятничном аукционе?

Так уж случилось, что меня при этом не было – мне по службе не положено из своей каморки отлучаться, разве что по неотложным делам. Топтуны из тех, что обычно околачи-

ваются в игорном зале, говорили потом, что подобной схватки за барышню, выставленную на аукцион, никто из них не видывал ни разу прежде. Соискатели «приза» едва не передрались между собой. Их нервных спутниц, оскорблённых в самых лучших чувствах, выносили из игорного зала и укладывали на диван в фойе, где они, ошалело поводя глазами по сторонам, по видимому, пытались вернуть себе утраченное на время восторженное восприятие окружающей их жизни. Но, отлежавшись, снова возвращались туда, словно бы жаждали вновь и вновь пережить мучительное унижение при виде увлечённых роскошным зрелищем, чуть ли не рыдающих от вожделения мужиков. «Чудо как хороша!» – читалось на алчущих губах. При этом изо рта, заполненного до краёв сладкою слюной, вместо предложения очередной ставки доносилось лишь бульканье, как будто в медном тазике варится фруктовое повидло. Надо полагать, именно по этим звукам и ориентировался аукционист.

По счастью, на этот раз дам к торгам не допускали. И, тем не менее, ставки на удивление резво, словно бы повинуюсь кем-то установленному закону, продолжали расти. Хозяева, разумеется, уже довольно потирали руки – ну как же, наметился знатный куш, да при этом ещё и бесплатная реклама заведению, так что в следующую пятницу народ вне всякого сомнения валом повалит!.. И вдруг всё кончилось. Присутствующие, как утверждают, даже не заметили, как прозвучал гонг после удара деревянного молотка и аукционист прокричал своё последнее слово: «Продано!»...

Однажды в глухом замоскворецком переулке я чуть было нос к носу не столкнулся – вероятно, уж так было намечено неласковой судьбой – с некоей небезызвестной мне служивой дамой, числившейся в штате расположенного неподалёку районного суда. Судя по всему, заканчивался обеденный перерыв, поэтому в руках она несла туго набитые кошелёчки с только что купленной про запас разнообразной снедью. Пока я размышлял, что лучше, то ли не заметить, то ли обойти крайне неприятное видение стороной – а переулочек как назло был довольно узкий – судья остановилась словно бы остолбеневшая, в глазах у неё возник животный страх, одна кошелёчка со стеклянным звоном выпала из рук, в другой же, видимо, находилось что-то очень ценное, поскольку она прижала её к груди. И вот, не отводя полубезумного взгляда от моего лица, хотя куда логичнее в этой ситуации было бы следить не за лицом, а за руками, она стала судорожно рыться среди бананов, огурцов и помидоров, как я потом уж догадался, в поисках оказавшегося на самом дне кошелёчки служебного «макарова»... Ну что поделаешь? В сущности, всё было predetermined – это я позже выяснил из разговоров с товарищами по несчастью, подобно мне наивно полагававшими, что можно добиться хоть какой-то справедливости в суде. Что тут поделаешь, если дочь воспитывала без мужа, ценного имущества – всего лишь крохотная квартирка где-то на окраине Москвы, так что подниматься приходилось утром спозаранку, чтобы успеть вовремя добраться до работы. Да, прямо скажем – незавидная судьба! И, что совсем не маловажно, святой обязанностью считалось накануне решающего заседания выслушивать авторитетное мнение председателя суда, нередко напрочь опровергавшее любые установления и законы, но зато уж обещавшее в ответ на послушание... А что, быть может, именно новехонького муженька он ей на этот раз и обещал. Ну а какие ещё могут быть пожелания у одичавшей от невнимания самцов служительницы правосудия? И в результате – невнятной скороговоркой произнесённое судебное решение, где в каждой фразе угадывался один лишь смысл, одно лишь слово – «Продано!». А далее – быстрое завершение процесса, лишь бы не слышать запоздалых возражений, лишь бы не смотреть в глаза. И вот уже прыгающий в руке, ну совершенно непослушный пистолетик, словно бы не мне, а ей предназначены были те самые, пресловутые «девять грамм»... Славная была бы смерть – погибнуть от руки судьи, и по возможности, сразу после приговора. Всё просто, всё проплачено, всё продано! И не было бы этого ужасного аукциона. Зачем, если аукционист подкуплен, крупье в игорном зале только и делает, что следит за тем, как бы кто не отхватил солидный куш, ну а судейские – все как один под хромовым генеральским сапогом, под чутким взором недрёманного ока

блюстителю понятий? Разжалован, уволен, жалоба отклонена... И победитель торжествует. Ох, и скучно с вами!

Но тот, патлатый хлюпик, на деле-то оказался совсем не прост, ведь вокруг пальца всех обвёл! Я даже представить себе не мог, что явился он именно для того, чтобы участвовать в проведении аукциона. Тогда зачем потребовался весь этот бездарный маскарад? Не для того же исключительно, чтобы посмеяться надо мной, да и, признайтесь, господа хорошие, что не смешно вроде...

И только тут меня наконец-то осенило – всё дело в барышне, той самой, которая с ним пришла! Той самой, которую... – теперь-то уж я об этом знаю – которую чуть позже выставили на аукционные торги. А мне в этом паскудном деле была предназначена роль не ведающего ни о чём поклонника девичьей красоты и заурядного пособника пронырливого сутенёра. Все же остальные оказывались как бы ни при чём, поскольку не дай я отмашку топтунам, вообще ничего бы не случилось. Провели как лоха! Ай да хлюпик! Видать, с хозяевами всё обговорил: «Я вам преподношу желаемую наживку, а вы назначаете меня ведущим аукцион с выплатой доли от вырученной суммы». Ну правила-то он, должно быть, вызубрил заранее, а костюмчик подобрать – для наших это уж и вовсе плёвое дело. Если пожадничают взять напрокат приличный фрак, так хоть малиновый пиджак снимут с кого-нибудь из obsługi... Эй, этого ещё только не хватало!

Я встал и, спотыкаясь в темноте о расставленные тут и сям, судя по всему, ну абсолютно никому не нужные предметы, стал пробираться ощупью примерно туда, где рассчитывал найти свои штаны. И где-то поодаль от них, вы не поверите, ногами запутался в рукавах столь милого моему сердцу малинового пиджака, никем не превзойдённого произведения столичного портняжного искусства...

Вообще-то, совести у них нет – вот именно так я и считаю! Где ж это видано, чтобы свояченица была приставлена для надзора за соблюдением супружеской верности, то есть, чтобы на стороне – ни-ни? Нет, ну словно бы вахтёр... Знал бы заранее, так и лежал бы сейчас в своей постели трезвый, как мадагаскарский таракан, досматривая десятый сон, и ведать не ведал бы о существовании Тамары. А тут ведь сколько сил пришлось употребить, чтобы напоить бдительную её тень, сам чуть раньше времени не слетел с катушек. Кто же мог предполагать, что все свояченицы злы, как черти, а пьют, особенно на дармовщину, как потомственные алкаши либо и того хуже – как закоренелые извозчики? Или же наоборот?

По дороге домой Тома то и дело приговаривала:

– Да ты не беспокойся, зубы-то я вставлю. Я только боюсь к дохтуру идти. А так... отчего ж не вставить? – и всеми своими выщерблинами широко улыбалась, а потом, спохватившись, стыдливо прикрывала ладошкой рот.

А я думал: «Вставит или не вставит?» Силком ведь не потащишь её к протезисту. С другой стороны, куда потом с ней при такой-то личности? Как её угораздило остаться без передних зубов, ещё только предстояло выяснить. Впрочем, особого интереса это для меня не представляло, разве что снова объявится некто, скажем, её бывший ухажёр и придётся защищать новоприобретённую подругу от ненужных посягательств... Но это вряд ли! То есть навряд ли мы ещё будем знакомы уже к следующему утру.

Да, было как-то – ночь провели с одной начинающей, но уже довольно известной балериной. А наутро... наутро, нежась на песчаном пляже, вдруг встречаю её вопрошающе-невинный, словно бы обязывающий меня к чему-то эдакому взгляд и оказываюсь не в состоянии понять, а что же это с нами было, и главное – зачем? Ах, сколько красивых юных леди прошмыгнуло мимо! Иногда, признаюсь, был не в себе, то есть, не расположен к тесному общению, иногда – так просто жутко пьян. Но сожаление почти что напрочь по этому поводу отсутствует, потому как рано утром встретить этот самый взгляд и ни фига не знать, и даже на совершенно трезвую голову не имея возможности уразуметь, как этим взглядом по взаимному согласию

распорядиться... Нет, уж это точно: всё, что было – всё оказывается к лучшему. А почему? А потому что каждому уготована своя судьба, вот так и только так, и не иначе!

Вообще-то я предпочитаю не случайные, а наоборот, как бы запланированные и тщательно проверенные связи, и только потому, что уличных знакомств с давних пор в принципе не признаю. А то ведь так бывало, что сам заговоришь и не сообразишь потом, как отвязаться. Вот с этой подругой именно это и произошло.

Пока сидели и пили за столом, Тома поведала, что будущий муж, по странному прозвищу Николаша, подцепил её где-то на Кавказе, куда его занесло вскоре после окончания третьего курса физфака МГУ. Если верить взволнованному рассказу Томочки, к этому времени Николаше стало совсем невмоготу, от интегралов и конформных отображений ломило голову, как после тяжкого похмелья. Представить себе, что весь этот вполне метафизический ужас продолжится ещё хотя бы год... Нет! Ему уже казалось, будто он лежит на дне собственными руками вырытой могилы и чувствует, как сыпется сверху мёрзлая земля попеременно с конспектами бесполезных лекций, как комья глины забивают нос и рот, и глаза уже не видят ни голубого неба, ни набухающих почек на ветках, ничего! Ничего, кроме ползущего с шипением гадюки движка логарифмической линейки и зеленовато мерцающей пасти монстра-осциллографа.

В итоге тягостных раздумий, совершенно оборзев от навязанного ему квазимыслительного процесса, Николаша – надо полагать, что исключительно в знак протеста против тогдашних физфаковских порядков – рванул через уссурийскую тайгу в направлении границы, откуда и был успешно препровождён в ближайшее СИЗО. Следующий период его замысловатой жизни до сих пор остаётся покрыт непроницаемым мраком неизвестности, хотя мало кто сомневается, что в тюрьме его таки удалось сделать «петушком». И если бы не вмешательство влиятельных родителей, всё могло бы закончиться ещё более прискорбно.

Восстановление подорванного здоровья заняло на удивление мало времени – злые языки потом утверждали, что к случившемуся с ним на нарах Николаша был вполне морально подготовлен предшествующей практикой интимного общения. Ну так что же, каждому своё! Вот и Николаша наконец-то сделал окончательно свой выбор – возможно, это решение ему подсказали воспоминания о блуждании по тайге. Рюкзак, палатка, дым догорающего костра, семиструнная гитара и очаровательные смуглые «туземки» – что ещё надо, чтобы стать счастливым? Летом того же года он был зачислен на третий курс другого института, без особой натуги пере-квалифицировавшись из недоучившегося физика в будущего специалиста по морской фауне, и тут же оказался в экспедиции на Чёрном море. Аромат вечнозелёной растительности и ощущение внезапно обрётённой свободы так опьянили его, что первая же смазливая «туземка» прибрала его к рукам с лёгкостью необыкновенной. Была Тамара в полном согласии с юными летами – стройна, очаровательно наивна в том, что касалось квантовой механики и вообще сколько-нибудь сложных для девичьего понимания проблем. Однако её скромных способностей и типично провинциального образования вполне хватило, чтобы уже осенью поселиться с новоиспечённым мужем в уютной однокомнатной квартирке на юго-западе Москвы.

В этой самой квартирке мы и сидели теперь, а накануне днём познакомилась где-то между Манежем и Смоленской площадью. Я был тогда уже изрядно навеселе, то есть душа воспарила над землёй, мозг все ещё способен был просчитывать варианты, а тело приобрело ярко выраженное состояние вседозволенности, когда любая напасть оказывается нипочём и невозможно даже представить себе, что ещё остались на свете непреодолимые для него преграды.

Николаша, как обычно, пропал где-то в экспедиции на заморских островах, а потому свояченица с нерусским именем Кларисса опекала Тому, как могла, то есть в меру своих скромных сил и почти неограниченных физиологических возможностей. И хотя от слов давно пора было переходить к делу, я вынужден был ублажать Клариссу, поскольку только от неё теперь зависело, кому достанется разыгрываемый приз в лице желанной Томочки. И только когда под

тяжестью выпитого голова свояченицы глухо стукнула по поверхности стола, едва разминувшись с остатками гусяного паштета на тарелке, моё сверх всякой меры сдерживаемое нетерпение получило необходимое развитие, то есть, меня буквально прорвало и я, по пояс высунувшись из окна, что было мочи возопил на всю округу: «Продано!». И тут же, немедля принялся раздевать Тамару, ну а Тамара, само собой, принялась раздевать меня:

– Ах, ну скорей же! – это не я, это она...

Известно, что люди, особенно те из нас, что склонны к угрызениям совести, нередко в попытках разобраться, что к чему, прибегают к самоанализу, иначе говоря, к занудному самокопанию, рассчитывая в результате долгих поисков и умозрительных попыток построения неких психологических конструкций прийти к успокоительному для себя итогу. Примерно так же делаю и я – стою обычно перед зеркалом и разглядываю свой... пупок, до рези в глазах напрягая зрение:

– Ну что, прелестный, несравненный, дорогой ты мой пупок, чем на этот раз ты не доволен и что такое я должен предпринять, чтобы поднять твоё, увы, совсем не радостное настроение? Чем усладить твою когда-то нежно-розовую плоть, теперь уже еле просматриваемую сквозь многолетние мышечные наслоения?

– Да ладно тебе, – отвечает мне пупок, – всё как-нибудь обойдётся, всё сладится, время залечивает любые раны, многое ещё можно поправить, даже если иногда кажется, что потерянное вернуть уже нельзя. Было бы желание!

Ну, что касается желаний, то этого добра у меня невпроворот, мог бы и поделиться с кем-нибудь, если б только была для этого практическая возможность. Иногда вроде и не хочется ничего, но словно кто-то подсказывает – надо, надо, надо! И вот, отбросив сомнения, зажмурившись, чтоб ненароком не передумать, я снова ныряю в бездонный омут тамариной постели...

Кстати, сдаётся мне, что сомнения есть ни что иное, как результат чрезмерно развитого здравого смысла. А что такое здравый смысл? На мой взгляд, это что-то вроде облака у горизонта. Облака, которое меняет цвет в зависимости от погоды, особенностей местного климата и уж тем более от времени текущих суток. Более того, бывает так, что выглянешь в окно – улицы широки и не спешат, и необыкновенно чётки мягкие, словно бы нарисованные кем-то тени, и путь твоих мыслей лежит туда, где рождаются, растут и лопаются ажурно-розовые пузыри заката... А завтра вдруг налетит холодный ветер, пригонит облака и что тогда останется от этих, вчера ещё таких многозначительных, таких глубокомысленных раздумий? Капли росы на изумрудно-малахитовой траве и больше ничего. Впрочем, не исключено, что где-то мои мысли выпадут живительным дождём, ну, это кому как повезёт или покажется... Нет, ну ей-богу, ещё чуть-чуть и я начну жалеть о том, что в юности так и не решился стать поэтом. Да ладно уж...

А утром я проснулся и первым делом, как обычно, направился на кухню с намерением заварить себе крепкого чайку – я пива в качестве «опохмелки» с некоторых пор не перевариваю. Спиной ко мне стояла женщина в трикотажных, застиранных трусах, в линялой майке и неторопливо мыла грязную посуду, оставшуюся после вчерашнего застолья. Пахло недоеденным винегретом, смешанным с вонью прокисшего за ночь табака в тарелках, которые мы использовали как пепельницы. Совершенно невозможно было представить себе, что накануне я лежал с этой женщиной в одной постели, бухой и тёпленький после изрядной доли выпитого коньяка... Она сопела и охала, и время от времени спрашивала: «Ну как, тебе уже хорошо?» Нет, в самом деле, именно так и спрашивала! Только чем же я мог с ней этой ночью заниматься? Разве что кроссворды разгадывать или обсуждать виды на грядущий урожай. Я представил себе, как держу в ладонях её неразделимо слившуюся с животом слегка припухлую грудь с двумя крохотными пупырышками-сосками, как поглаживаю её набитую жировыми отложениями не первой свежести подушку-попу. Ну не было же этого! Просто потому, что не могло быть

никогда! Вот с той девчонкой с фотографии на черноморском берегу двадцатилетней давности – могло, вполне могло быть, но не с этой!

Я уже готов был прилюдно расписаться в собственном половом бессилии, лишь бы не признавать столь очевидный факт грехопадения. Но только и смог невнятно вымолвить: «Я сейчас...», будто только что вспомнил о каком-то крайне неотложном деле и, прихватив по дороге малиновый пиджак, устремился прочь из дома, что называется – подальше от того самого греха ...

Надо сказать, что поначалу я и впрямь перепугался не на шутку – ведь из-за этих затянувшихся изрядно за полночь блудливых шашней можно и работу потерять. Будет сидеть теперь в крохотной каморке у входа в ночной клуб какой-нибудь отставной служака, и цепким, намётанным глазом цепного пса, заработавшего себе геморрой в должности начальника над лагерной зоной, оглядывать входящих посетителей, мысленно ощупывая самые интимные места у дам и шаря по карманам их вальяжных покровителей. Но нет, сегодня очень кстати выдался тот редкий случай, когда у вашего покорного слуги самый что ни на есть законный выходной, как накануне любезно сообщило мне начальство. А какие у него были на то соображения, нам знать, понятное дело, совершенно ни к чему. Не ясно только, они ещё кому-нибудь такие каникулы устроили или только мне, родимому? От этого зависело, как мне их за это целовать – взазос или ограничиться воздушным поцелуем. Впрочем, это я опять шучу...

Когда-то слышал, что у физиков очень популярен метод последовательных приближений. В первом приближении вы видите некий заинтересовавший вас предмет или явление. Во втором – начинаете понемногу различать его детали. В третьем, при наличии подходящей методики и инструментов проникаете в его внутреннюю суть. Ну а в четвёртом приближении, разобравшись наконец-то, что к чему, убеждаетесь, что всё не так, как вам казалось поначалу – бездарно, не красиво и не обязательно... Вот и в обыденной жизни случается так, что несмотря на то, что оказываешься дважды разведён, даже такой бесценный опыт от повторения ошибок несколько не спасает. И чёрт меня дёрнул связаться с этой дурой Томочкой!

Обычно женщины прощали мне ничем вроде бы не спровоцированное расставание. Ну что поделаешь? Бывает так, что не сложилось, не сбылось, заботливая её подруга не сумела убедить, что вот оно, счастье, чуть ли не под ногами у тебя валяется, чего ж ты не берёшь?.. Ха! Не мог же я ответить – извините, не досуг, мол, нагибаться. Просто уходил, не слушая упрёков, не оглядываясь. И только затылком чувствовал на себе печальный взгляд недавно ещё столь милого и желанного, волнующего воображение существа. И куда всё подевалось? Если б только знать заранее, что Томочка не прощает никогда и ничего!

Глава 8. Бритоголовая

В полном интеллектуальном изнеможении сижу на скамейке у пруда и покуриваю «голузку» в надежде, что никакая мысль мне в голову не явится, ну хотя бы в ближайшие полчаса. Я в такое пекло, то есть при такой погоде, гожусь разве что на то, чтобы меня намазали на бутерброд. Да и тот явно в глотку не полезет...

Признаться, всё чаще подумываю о том, чтобы оставить нынешнее своё занятие и жить на скромный «пенсион». Хотя я и не из робкого десятка, но столь радикальное изменение привычных жизненных обстоятельств потребует не только смелости. Надо прежде всего свыкнуться мысленно с тем, что должно произойти, как это будет в материальной сфере обозначено, а вот уже потом... В конце концов, нельзя же, по сути дела, ни с того и ни с сего принимать воистину судьбоносное решение. Тем более что в своих пристрастиях, как вы могли прежде убедиться, я весьма непостоянен, а потому любое новое занятие, которому предпочту нынешний служебный пост, навряд ли сможет меня увлечь, как принято у нас говорить, на длительную перспективу. Так что, пожалуй, покручусь, помыкаюсь здесь ещё чуток, а там и видно будет. Всё бы ничего, да только не даёт покоя странная, навязчивая мысль, возникающая в самый, казалось бы, неподходящий момент, когда требуется повышенная концентрация воли и внимания. Верно ли, что, выбрав себе однажды сферу деятельности, ты оказываешься к ней привязан, как мул к повозке, и везёшь неведомую тебе поклажу вопреки всему? Каюсь, но я до сих пор так и не понял смысла этой фразы, словно бы не сам её придумал, а кто-то неведомый, попросту насмешливый и даже очень злой нарочно мне её подбросил. Знать бы – для чего? Сам чёрт не разберёт, откуда возникают эти каверзные, на первый взгляд невинные вопросы.

Вот вы скажите мне, может ли посредственность создать шедевр? Хотя бы в виде исключения, ну, предположим, один единственный раз в жизни? К примеру, некто, который и кисти-то прежде не держал в руках, изобразит маслом на холсте что-то, сравнимое с «Джокондой» Леонардо. Горлопан, которому к тому же слон на ухо наступил, соорудит симфонию «сибемоль-мажор» для голоса с оркестром. Зануда-графоман получит литературную премию, опирав унылые похождения интеллигентного бомжа, а потомственный урод, у которого давно уже, что называется, морда кирпича просит, произведёт на свет красавицу, которую, как ни старайся, но ни пером описать, ни... Ну, словом, возможно ли, чтобы со мной случилась вдруг подобная невероятность? Эта самая мысль уже не первый день лишает меня послеобеденного сна, так что всего только и остаётся какая-то зыбкая, беспокойная дремота.

А вот допустимо ли представить себе, что у почтенных родителей дочь становится путаной? Нет, ну не то, чтобы очень уж почтенных, но не полная же гнусь, в конце концов. И почему, и отчего такое? Признаться, пока проанализируешь все возможные причинно-следственные связи, все изначальные мотивы и обстоятельства, можно мозги себе набекрень свернуть. Когда же дело доходит до проверки рабочей гипотезы, тут вообще полный и окончательный облом, чреватый длительным проявлением половой дисфункции... Или я что-нибудь не так сказал? Тогда пусть доктора меня поправят.

Кстати, о докторях. Как я уже успел вам рассказать, нередко свой досуг, за вычетом приключений особо деликатного характера, я посвящаю работе над весьма занятной книгой. Впрочем, случается, даже интимные дела работают в том же направлении, а направление одно – как можно более толково описать ситуацию с правом граждан на так называемую «продажную любовь», ну и всё, что полагается к этому в придачу. В конце концов, рынок – он и есть рынок. Общество должно знать, что ему положено, а чего нельзя, иначе какая же это свобода, если нет понимания, что почём и где всё это можно раздобыть. В некотором роде, получается у меня энциклопедия по всем таким делам, разве что иллюстраций не хватает. Ну, тут уж читателю собственное воображение обязано что-то подсказать. В общем, в книге это вполне доходчиво

и даже образно изложено, а здесь приведу лишь кое-какие пояснения – так, для того только, чтобы не подумали, будто вам голову морочат.

А началось всё с тоненькой брошюры «О пользе воздержания», которую я прочитал ещё в далёкие студенческие времена. Речь шла о том, что способность к усвоению профессиональных знаний находится в прямой зависимости от длительности воздержания. Ну, вы понимаете, что имеется в виду. Позже, получив на практике резко отрицательный эффект, я неоднократно консультировался по этому поводу с врачами. И что бы вы думали? Ни один не удержался от того, чтобы порекомендовать мне адресок, где за умеренную плату оказывают необходимые услуги. Собственно, тогда и сформировался мой нынешний взгляд на указанный вопрос. А вы-то думали, что это у меня с пелёнок...

Идея же написания книги возникла много позже, как говорится, уже на склоне бурно прожитых лет, когда накопленный опыт настойчиво требовал всеобщего признания. И было ещё одно соображение, без которого я вряд ли бы решился взяться за перо. Но об этом позже.

Итак, после свидания с Томочкой я распечатал несколько глав, заложил в папку-скоросшиватель и понёс для ознакомления Клариссе. Название, я его уже упоминал, получилось офигительно убойное, а посему я ничуть не сомневался, что ежели у них там, в журнале сидят не полные «адъёты», так у меня рукопись с руками оторвут, выдадут аванс, да ещё и продолжение попросят...

Тут я вам должен поподробнее описать эту томочкину б..., в общем, ту, что в ближнем кругу её вроде бы околбогемных и окололитературных обожателей называют строго и почтительно – свояченицей. То есть понимай так, что, мол, своих не выдаём!

Продолговатая головка обрита почти что наголо, одна лишь чёрная чёлка, напоминающая чуб запорожского казака, то и дело свешивается на лоб, создавая досадную помеху и без того плохому зрению. И тогда Кларисса отработанным движением откидывает голову назад и непокорная прядь волос возвращается на своё привычное, одной лишь ей предназначенное место, демонстрируя непоколебимую уверенность своей хозяйки в собственной правоте, причём в любом, даже самом незначительном вопросе. К примеру, ни один тост в том нашем памятном застолье, ни один переходящий в бабью истерику спор не обходился без того, чтобы Кларисса не укоряла меня пренебрежением сугубо личным интересом, забвением того самого простого и свойственного любому человеку принципа, о котором она не уставала напоминать – если есть возможность сделать деньги, глупо же этим не воспользоваться! Более всего её возмущала моя врождённая брезгливость к вульгарным торгашам. «Ну и что тебя смущает? Вот ты и будешь первый не вульгарный, почти такой же гладенький и чистенький, как я.» При этом Кларисса поглаживала свой породистый, хотя и несколько шокирующий поначалу чрезмерной открытостью чубатый череп и шаловливо ухмылялась, одновременно испытывая и досаду от того, что я не поддаюсь на уговоры, и тайное удовлетворение тем, что уж ей-то есть, что противопоставить моему тупому «бессребренничеству».

А собственно, что она пыталась мне внушить? Какой ей от меня толк? Можно подумать, что, откликнувшись на её призывы, я брошу всё, размалюю румянами лицо, надену до умопомрачения коротенькую юбку и выйду на панель. А там уж сами будете разбираться, что и по какой цене вам требуется. В конце концов, что в этом странного, если спрос повсеместно диктует предложение? Да уж, весьма заманчивая перспектива! Особенно, если Кларисса выступает в роли бандерши.

Итак, Кларисса служила редактором в журнале. Через её руки проходили сотни рукописей, из которых едва ли десятую часть она дочитывала до середины и ещё гораздо меньше – до самого конца. Каждый раз после прочтения очередной страницы опуса какого-нибудь самодовольного графомана-просветителя у неё возникало неудержимое желание послать куда подальше и его самого, и эту мерзкую работу, да и весь журнал со всеми его бездарными писателями. Время от времени, чувствуя, как закрываются глаза, Кларисса остервенело дёрнула себя

за волосы, закуривала сигарету и, мучительно преодолевая некстати накопившую дремоту, продолжала читать. В итоге рукопись оказывалась усеяна пеплом от сигарет и обрывками Клариссиных волос, я так полагаю, что не меньше дюжины на каждую страницу. Так вот и получилось, что со временем остатки её кудрявой шевелюры расположились на полках редакционного архива, составляя, по мнению Клариссы, едва ли не самую ценную его часть. Впрочем, говорят, что теперь тексты хранят по большей части в памяти компьютера, однако я почти уверен, что и там без её предметного участия тоже не обходится.

Но было у Клариссы ещё и тайное увлечение, о котором ни среди подружек, ни в журнале не подозревал никто. Вечерами, раза два в неделю её путь лежал в театр. Массивные колонны, чугунные жеребцы где-то там, над головой, весь облик храма Мельпомены внушал ей трепетное уважение, ещё более крепнувшее при виде немалого числа желающих приобщиться к «таинству». По счастью, никакого билета ей не требовалось – сотрудничающим в «клаке», в зависимости от требуемой мощности бисирующих голосов, выдавались контрамарки. Кларисса, понятное дело, проходила за двоих. Апофеоз её посильного участия в спектакле наступал, когда своим хриплым, словно бы изрядно пропитым, неженским баритоном она до полной одури орала «Браво!» и хлопала в ладоши, рискуя спровоцировать преждевременный обвал и без того уже изрядно обветшавшего строения.

Именно в цепкие, мозолистые руки Клариссы и попала моя рукопись. Согласитесь, что такое близкое знакомство обидно было не использовать. Да кабы знать...

Вечером того же дня, по дороге на работу я, следуя приглашению Клариссы, отправился к ней домой в намерении услышать если не похвалу, то хотя бы парочку полезных для себя советов. Дверь открыла какая-то невзрачная на вид личность в кружевном переднике, то ли приживалка, то ли домработница. А кто её разберёт! Можно предположить, что сама Кларисса хозяйством не занималась, в её ведении оставалась лишь сфера интеллектуальной деятельности, в частности, общение с не вполне определившимися в возможностях своего мнимого таланта, наивными и не по возрасту озабоченными представителями не самой лучшей части человечества.

Кларисса приняла меня, полулёжа на тахте. Цветастый балахон свободного покроя прикрывал очевидные изъяны её расплывшейся фигуры, а полумрак в комнате создавал иллюзию намечаемого волшебства, к которому всяк входящий был обязан подготовиться. Тому же способствовали и многочисленные фотографии «великих», коими были увешаны все стены попеременно с образами самой Клариссы в пору её девичье зрелости. Вот Станиславский, Чехов, Фрейд, а рядом симпатичная толстушка в купальнике, на берегу моря. Далее кто-то, видимо, из особо почитаемых танцоров и певцов. И снова та же, только уже слегка подросшая девица – на этот раз она разверзла пасть в попытке надкусить очень большое, просто невиданное по своим размерам яблоко. И глядя на неё, даже малейшего сомнения не возникало, что уж она-то с этим делом справится!

Кларисса листала мою рукопись. В изящно выгнутых пухлых пальчиках дымилась тонкая сигарета на очень длинном мундштуке, и всё в этом храме интеллекта указывало на независимость и самодостаточность хозяйки. Типичная «эмансипе»! Подобным образом мог бы выразиться какой-нибудь насмешливый резонёр в начале прошлого столетия. Ну а я от суждений воздержусь, по крайней мере, до завершения нашей встречи...

– Так, Вовчик! Знала я графоманов и лгунов, но таких, как ты, прежде не встречала, – примерно в этом тоне развивалась наша приватная беседа, точнее, говорила-то в основном она. Причём полнейшее впечатление складывалось, что намереваются меня сию же минуту взгреть по партийной линии и за какие-то немислимые прегрешения, не взирая на заслуги перед обществом, вклеить очередного «строгача». – Вам, мужикам, главное, чтоб перед дамами покрасоваться. Вот я, какой талантливый, сладкоголосый, плодовитый! А на поверку грош вам

всем цена. Плод своей похотливой страсти мне на шею кинешь, а сам и был таков. Сижу, читаю, так одно расстройство, я тебе честно говорю.

– Что, будто вовсе некого и похвалить? – поинтересовался я, тем временем тщетно пытаюсь уловить, о каком подкинутом плоде может идти речь, и не было ли, в самом деле, чего такого между нами.

И впрямь, бывает, что стиснут могучими задами и чреслами в обезличенной толпе и даже определить не в состоянии, кого же ты только что по недоразумению облапил и кто милостиво позволил себя легонько приласкать... А после, когда выберешься из этого скопления потных тел, оказываешься в недоумении, с кем же ты минутой раньше чуть не переспал? И холодея от нехорошего предчувствия, жадно осматриваешь разбегающихся по сторонам людей. И вдруг из хора симпатичных цыпочек, расталкивая их в нетерпении локтями, вываливается... Ну ладно, хорошо хоть, не мужик.

– Нет, отчего же. Я некоторых наших авторов очень уважаю, особенно из числа интеллектуальных дам, – милостиво пояснила мне Кларисса. При этом, глядя в зеркало, поправила причёску, как будто было там что-нибудь такое, что ещё стоило бы поправлять.

– Ну вот! Прикажешь мне плиссированную юбку нацепить и колготки фельдиперсовые с люрексом? – даже косвенные намёки на моё не вполне подходящее для того или иного случая происхождение всегда вызывали у меня решительный протест. Ну не женщина, не рафинированный интеллигент, не бывший партработник в Вологодской волости, так что же из того? Нельзя же только по национальным, идеологическим или же половым признакам заносить человека в разряд совершенно безнадёжных графоманов.

– Такое перевоплощение тебе уже нисколько не поможет, – ухмыльнулась редактрисса. – Я конечно могла бы порассуждать с тобой о планете расширений. Однако Венера в Водолее сделала тебя совершенно безответственным, особенно в том, что касается склонности к внебрачным совокуплениям и запоям, – видя, что я собираюсь возразить, Кларисса взмахнула ручкой, мол, так и быть, проехали, и продолжала: – Ладно уж, я понимаю, гороскопы не представляют интереса для большинства Весов, но посмотри, как интересно. Скажем, у одного известного поэта Меркурий был в обители, почувствуй разницу!

Блин, только этой долбанной астрологической обители мне не хватало! Кто же мог предполагать, что голосистая Кларисса увлекается ещё и этим? Ну, допустим, Меркурий у меня в изгнании – и что с того?

– Я так понимаю, теперь стало модно восторгаться не вполне удобоваримым глубокомыслием признанного диссидента, к тому же где-то мученика. Но и что же получается – если был гоним, так однозначно считается великим?

– Плутон неторопливо переходит в Козерога... Так для тебя и нобелевский лауреат оказывается не вполне поэт? – лицо Клариссы стало покрываться красными пятнами, демонстрируя клинические признаки нарастающего раздражения.

Ох, уж эти мне снобливо-занудливые лицемеры, охочие до пляжных, вагонных и салонных споров и бесед. Ну никуда от них не деться! Полным-полно болтливых, наголо обритых дам. И хоть бы одна приятная мордашка... А если что-то симпатичное и углядишь, так на поверку дура душой всякий раз оказывается! От неё же за версту непроходимой глупостью несёт. Конечно, для этих дел мозги совсем не обязательны, но хоть какое-то их подобие должно же быть!

А тут ведь всё наоборот – передо мной расположился словно бы опутанный проводами и мигающими лампочками электронный мозг, одной своей «извилиной» подключённый к фондам государственной библиотеки, другая же расположилась в ближайшей кондитерской, среди эклеров с заварным кремом, бокалов с сельтерской и мятных леденцов. И всё это в густых клубах табачного дыма, вместе с которым улетает куда-то единственная, высказанная за несколько

часов непрерывных разговоров стоящая мысль – «ах, мужика бы!». А вот, извольте, и ещё одно откровение, видимо, тоже почерпнутое из анналов:

– В отличие от тебя, у настоящих писателей персонажи существуют сами по себе, живут своей, не подконтрольной автору полнокровной, интересной жизнью...

Это как же так? Скажем, пошлю я своего героя в магазин за коньяком, а он приволочёт мне бесплатную брошюру о пользе воздержания. Витёк, а деньги где?! Да что тут говорить, похоже, что она из тех, которые, даже увидав меня в гробу, начнут претензии предъявлять – не так лежит, не те тапочки надеты...

– Твоя бездарная концепция, будто алчные и циничные люди оказываются в состоянии заставить торговать собой целый народ, не выдерживает ни малейшей критики, – продолжала вещать Томочкина родственница.

Выдержала бы страна, а без сопливых рецензентов мы как-нибудь да обойдёмся. Впрочем, такое ли это необычное дело – торговать людьми? Да и не было у меня написано ничего такого про народ, мне бы только кое с кем из власть имущих разобраться.

– Слушай, а может, тебе стоит про собачку написать. Ведь все великие с этого начинали. Вспомни хотя бы про Тургенева, про Чехова.

– Должен тебе признаться, что собак я не люблю. Предпочитаю кошечек.

– Да уж, не повезло, – огорчилась редактрисса. – А вот, кстати, надо бы проверить, вроде бы я уже встречала твою фамилию в нашем чёрном списке. Жаль только, что нет его у меня сегодня под рукой.

– Разве такой есть? – я был, и в самом деле, удивлён. Неужто и здесь собираются вводить некое подобие формы допуска?

– А что ты думаешь? В любом деле порядочные люди стараются оградить себя от нежелательных особ. Тех, что не из их круга, не тех убеждений, и вообще, не вполне симпатичные им люди. Ну ты и сам понимаешь, о чём я, – тут Кларисса слегка смутилась и, поправив привычным движением причёску, изрекла: – Вот и лирическая линия у тебя прописана крайне слабо. Дамы вроде ничего, а мужики какие-то хилые, невзрачные...

Мосластых ей подавай! Уж она бы им прорычала свои бесценные «брависсимо!» и «браво!».

– Подруга, здесь ведь не «Бахчисарайский фонтан» и даже не ярмарка спортивных тренажёров, – отбивался я, чем мог, выискивая повод, как бы мне эту сволочь напоследок побольней ужалить. Другой бы на моём месте пожалел её, приласкал бритоголовенькую, а там, глядишь, и роман бы напечатали. Но, как известно, стоящие мысли приходят опосля, когда из разорванного в ключья моего творения и на рассказик два-три непуганых абзаца не останется. Ну и пусть!

Когда в посудную лавку вваливается слон, когда сотня разъярённых дикарей из племени оголодавших каннибалов высаживается десантом на Соборной площади, всё это производит гораздо меньшие разрушения, чем вмешательство такого вот «редактора» в творческий процесс, притом, что память у Клариссы была отменная, а мстительности – хоть отбавляй.

И только тут меня словно осенило. Вот ведь, прежде гонимых теперь с какой-то стати чтут. А сам-то я, почему меня к мученикам нельзя причислить? Господи! Да как же мне раньше такое в голову не приходило? Ведь я же и есть самый что ни на есть исконный мученик, к тому же пострадавший вовсе ни за что, то есть за совершенно чуждые мне идеалы.

Случилось это в незапамятные времена, когда в числе прочих симпатичных крох, усвоивших правила примерного поведения и послушания заветам старших, единственного не то, что в классе, но из всей школы, выбрали меня для вручения цветов членам правительства, причём не где-нибудь, а на Мавзолее, во время первомайской демонстрации. По-взрослому гордый и упоительно счастливый сознанием близости к тем, к кому не каждому приблизиться дано, стоял я на трибуне, едва достигая подбородком до парапета, на котором покоилась при-

готовленная для меня огромная коробка шоколадных конфет. Каждая конфета была завернута в золотистую фольгу, притом, как выяснилось позже, содержала необыкновенно вкусную начинку – таких мы раньше и в глаза не видывали. Как дорогую реликвию показывал я потом соседям и одноклассникам ту коробку и сверху, и даже изнутри – с пустыми обёртками из-под конфет. Можете сами догадаться, что мои родители не уставали докладывать всем знакомым и даже посторонним об очередных успехах своего чада, за которым «наверняка уже установлен особенный надзор, и куда уж денешься, если секретнейшим приказом предназначена чрезвычайная карьера».

Недолгое торжество сменилось отчаянием и, что ни говорите, это было настоящее человеческое горе. Что тут поделаешь, если тот, вроде бы лысый и в пенсне, кавказского происхождения гражданин, рядом с которым я имел неосторожность обретаться на трибуне – а уж все видели, должно быть, фотографию в журналах и газетах – вскоре был судим и по приговору трибунала расстрелян как злейший враг народа.

Вы и представить себе не можете, какое это было горе! Надо же такому случиться в самом начале столь много обещавшего жизненного пути. Как ни оправдывался я, что знать ничего не знал, как ни убеждали родители, что цветы я вручал вовсе не тому, что справа, а совсем наоборот, то есть тому, чья фамилия над входом в метро была в то время обозначена, однако сомнения оставались. И уже чудилось мне, что вот приходит за мной дядька в шароварах с генеральскими лампасами и, грозно шуря глаз, спрашивает: «Как же это ты, агенту империализма – и цветы?»

Но понемногу всё утряслось, меня никто не вызывал, до меня никому не было никакого дела – даже после, когда того, второго, которому я тоже вроде бы вручал цветы, сместили со всех постов и обвинили в принадлежности к недопустимой антипартийной фракции. Само собой, ту злополучную коробку из-под конфет, дотоле бережно хранимую, поспешно отправили в мусоропровод.

Ну, вам, быть может, это всё смешно, а у меня во рту на всю последующую жизнь остался сладковато-приторный вкус тех самых шоколадных конфет, который усиливался иногда невесть от каких физиологических причин, но особенно донимал накануне событий, так или иначе имевших значение для моей карьеры.

Вот и судите теперь, кому из нас больше не повезло – тому антипартийному засранцу, который скоропостижно отправился на покой, но дожил припеваючи до весьма почтенных лет, или же мне? Особенно если учесть, что с подачи не в меру болтливового кадровика, которому я по доверчивости при поступлении на службу рассказал про ту историю, – «всё, как на духу!» – начальство присвоило мне кодовый псевдоним «Цветочница».

Но бритоголовой тётке всё это было невдомёк. Да, ей бы в органах служить – злости хоть отбавляй, голосок очень даже басовитый, да ещё и тяжёлая рука, судя по тому, как она Томочку отделала, уж в этом я теперь не сомневался. А в самом деле, может и есть в нас что-то общее? Может, и вправду, возможен некий взаимовыгодный альянс? Но только ведь недаром говорят, что в жизни сходятся противоположности, поскольку имеется вроде бы у них потребность одна другую дополнять. Однако чем же я мог пополнить коллекцию достоинств неподражаемой Клариссы? Разве что самому стать в этой коллекции одним из ценных экспонатов – скажем, изобразить некое подобие усатой бабы в питерской кунсткамере.

Словом, про свой конфуз я так и не решился рассказать. И вовсе не потому, что в своё время дал расписку о неразглашении. Но одна только мысль, что придётся поведать о несостоявшейся карьере, что надо будет оправдываться, объяснять ей что, да как, да почему – это способно было огорчить меня куда сильнее, чем незавидная судьба рукописи, которой, судя по реакции Клариссы, была уготована роль хранителя остатков её волос на полках редакционного архива. Ну ладно, допустим, если бы я этой историей про майские цветы её разжалобил – но что такое она могла бы мне сказать? Почаще перечитывай классику, поработай ещё как следует

над словом, глубже вскрывай пласты неведомых характеров – и тогда, родимый, всё-то у тебя помаленьку сладится... Вот так породистая сука облизывает безобразное дитя.

В общем, очень полезный получился разговор, хотя бы и без ожидаемого результата, что поделаешь. Так ведь кому везёт в любви, тому, как говорят, в делах не стоит особенно рассчитывать на удачу. Эта мысль не давала мне потом уснуть, несмотря на вполне привычное подпитие. Надо ли и что именно надо предпринять, чтобы в деле повезло? Полагаю, не один я маялся бессонницей от этого вопроса. Несомненно одно – требуется что-то в жизни изменить. Но что? Вот ведь и мучайся теперь до самого утра в ожидании ответа.

Глава 9. Нежданные визитёры

А вот интересно, почему? Почему её имя упорно вызывает у меня воспоминание о набовской Лолите? И дело даже не в схожести имён, но просто-напросто не покидает ощущение, будто кто-то настойчиво, исподволь подталкивает меня к тому, от чего я даже мысленно теперь пытаюсь отстраниться. Однако же этот некто продолжает мне твердить, мол, почему бы не попробовать? Ну что особенного ты при этом потеряешь? Да, конечно, вроде бы и ничего. Разве что уважение к самому себе, если малая толика его ещё где-нибудь осталась. С другой стороны, явное несовпадение обстоятельств заключается в том, что Лулу уже вовсе не подросток, если верить хотя бы моим собственным глазам, которые то и дело упираются в довольно соблазнительные изгибы девичьей фигуры. Но вот опять же, если окажется, что я её отец, то для меня она всего-навсего любимый, или позабытый, или отвергнутый, но всё же обязательно – ребёнок! И это при всём при том, что выпало на её долю за последние дни.

Такие противоречивые мысли занимали меня утром, после завтрака, пока я смотрел, как проворно Лулу убирает со стола, как ловко, даже изящно моет грязную посуду... Впрочем, меня так и подмывало её спросить: «А чем же за постой расплачиваться будешь, милая?» Ну, это скорее уж из области чёрного юмора, а если честно, я хотел бы ей задать другой вопрос:

– Послушай, а тебе не приходило в голову, что я никак не могу быть твоим отцом? Просто потому хотя бы, что ты на меня совершенно не похожа. Ну ни капельки!

Надо признать, что эта мысль пришла мне в голову с явным опозданием – ещё чуть-чуть и вообще нельзя было бы повернуть назад. А продолжать всё так, как оно идёт... это же просто невозможно! Ну потому хотя бы, что жить постоянно вместе с кем-то – нет, уж извините, такое совсем не для меня. С недавних пор я однозначно осознал – ни молодая, ни пожилая, ни даже юная мне в этом смысле совершенно ни к чему. Поверьте, я вовсе не кокетничаю. Видимо, так уж я устроен или, что более вероятно, такая у меня судьба.

В младенческие годы самым любимым для меня занятием было гонять на трёхколёсном драндулете по коридору коммуналки взад-вперёд, покамест кто-то из соседей не донесёт моим родителям. На некоторое время помогало, но через день-другой всё продолжалось с новой силой, как будто бы за время вынужденного простоя у меня, и в самом деле, прибавлялось сил. Что, впрочем, и неудивительно – в столь юном возрасте организм растёт, как ему и полагается. Но вот однажды незабвенная Маруся, низкорослая толстушка с добрым, вечно улыбающимся лицом, после очередного моего велопробега эдак вот поманила пальчиком и говорит:

– Вовчик! Тут для тебя кое-что есть.

Надо сказать, про Марусю поговаривали, что в спецстоловой, где-то близ Старой площади, там она служила поварихой, ей выделяют солидный дополнительный паёк. Говорили даже, будто она сама на счёт этого пайка подсуетилась. Однако же мало кому приходилось его видеть, а уж попробовать – кто только об этом ни мечтал!

Когда я вошёл, к угощению уже всё было готово – колбасы твёрдые и варёные, разнообразные сыры, копчёная рыба нескольких сортов, пирожные, конфеты, яблоки, бананы... Словом, глаза просто разбегались. И всё это она предложила съесть. А если вам говорят «угощайся!», кто ж откажется? Тем временем, пока я осторожно принимался за еду, Маруся вознамерилась кое-что поменять в своей одежде. И вот, помню, я таращу глаза на её полуголую грудь циклопических размеров и, забыв про всё на свете, само собой, не задумываясь о последствиях, пихаю в себя эту самую еду...

Как и чем меня потом лечили, память отказывается подсказать. Помню только, что после выздоровления взамен трёхколёсного велосипеда мне купили двухколёсный, подростковый, для которого наш коммунальный коридорчик однозначно не годился. Так что, если погода позволяла, я катался по двору, а при появлении Маруси старался улизнуть, что называется, с

глаз долой, подальше от очередного промывания желудка. В общем, в памяти осталась лишь огромная белая грудь, почти такая же, как у той бабёнки в «Амаркорде», какие-то смутные, весьма запутанные вкусовые ощущения и уже гораздо позже сформулированное убеждение по поводу того, что даже в удовольствиях надо знать тот самый свой предел, дойдя до которого, непременно следует остановиться. И ещё временами возникает некое сомнение – а тем ли увлекался я тогда, и не стоило ли заняться мне с Марусей чем-то более приятным, нежели набивать колбасой свою утробу? Впрочем, я, кажется, уже упоминал, что прошлое частенько даёт мне повод для подобных сожалений.

Так вот я вам и говорю, что удовольствия следует чередовать с недолгим ожиданием, когда всего лишь мысленно готов себе представить, как хорошо было бы вздремнуть, или пойти к кому-то в гости, или наоборот – пригласить подружку повечерничать к себе домой. А ежедневная услада с утра до вечера либо же с вечера до самого утра – это, на мой взгляд, ну просто явное излишество, чреватое такими же малоприятными последствиями, как и то давнее обжорство.

И всё же попробуйте представить себе на миг, что я признал в Лулу своё внебрачное дитя и, следуя неписанному закону, мы стали бы жить вместе. И тут вы спрашиваете меня – а что же дальше? Признаюсь, что не готов ответить на ваш вполне логично возникающий вопрос, потому как прежде, чем о будущем задумываться, требуется расчистить завалы настоящего. Нынешние же мои проблемы в том, чтобы доказать соседям, консьержке, милиции, начальству на работе, которому кстати на всё на это наплевать – доказать, что Лулу всего лишь моя дочь, а вовсе не молоденькая квартирантка, вынужденная время от времени исполнять обязанности наложницы или супруги. Нет, правда – ну кто же разрешит одинокому холостяку удочерить какую-то пришлую девчонку? Я бы ни в коем случае не позволил. Однако вслед за таким умо-заключением неумолимо возникает другой, по сути, риторический вопрос: а тогда зачем мне это нужно? Эх, если бы всё дело было исключительно во мне!

Итак, в том, что касается будущего, моего с Лулу – сплошной туман, а сквозь эту мутную пелену проглядывает дорожная развилка у булыжника, на котором нацарапано что-то непонятное, не исключая даже, что слово из трёх букв. Прошлое Лулу по-прежнему весьма расплывчато, но есть надежда на некоторое просветление. На мой взгляд, только это и стоит обсуждать, а всё остальное – лишь суета сует и пошлые намёки, чреватые кровосмешением. И всё же, если озаботиться вопросом, откуда она всё-таки взялась, тогда в результате вот какое у меня возникает подозрение. Лулу – это самый натуральнейший двойной агент! Вот именно так я рассудил, и, если верить этому всерьёз, легко понять, в каком состоянии я сам в эти минуты находился. Кстати, почему именно двойной? Да потому что разобраться с более тривиальным случаем особого труда мне не составит. Итак, агент, попавший в крайне непростую переделку, что уж тут таить – в беду! Более того, лишь благодаря случайной встрече в лифте агентесса избежала печальной участи быть замурованной в подвале или упокоиться на дне расположенного поблизости пруда. Ох! Жуть, какие мысли иногда приходят в голову! Однако же и то верно, что очень кстати у меня в квартире оказался интернет – агенту было бы удобно поддерживать связь со своим непосредственным начальством. А согласитесь, звучит многообещающе, будто Лулу, только представьте – Мата Хари двадцать первого века! Впрочем, не знаю, чей она там агент на самом деле, но своей дочери я бы такой судьбы не пожелал. Да и что особенного могла она узнать из общения с привычной клиентурой? Аморалку по партийной линии вряд ли им пришьёшь – не те у нас нынче времена! И кто поверит, что, обнимая юную прелестницу, банкир способен выболтать самые сокровенные секреты? Подобные предположения – явно из области фантастики, а это, как я уже признался, не мой жанр.

Не знаю, кому такая мысль в голову взбредёт, что будто бы носит при себе каждый олигарх защиту в трусы флэшку с компроматом на самого себя, любимого – что-то на манер Кашеева яйца. Да и не могла Лулу ничего такого выкрасть – я тоже ведь не прост, халатик

её уже прошмонал, прощупал, всё как полагается. Другое дело, если она вещь эту у меня в квартире спрятала. Надеюсь, не пришло ей в голову заныкать перстень с бриллиантом вместо того пресловутого яйца? А ну как заявятся после этого ко мне с постановлением на обыск? Вдруг это заранее заготовленная кем-то из недоброжелателей подстава, чтобы меня как следует прижать? А и не важно, для чего. То есть, может статься, просто так, без никакого повода, для профилактики, поскольку у людей моей профессии всегда есть что-то, способное вызвать пристальный, прямо-таки жгучий интерес...

Словом, как ни гадай, как ни крути, однако единственным доступным источником некоей деликатной информации оказываюсь для неё один лишь я, и это всего более смущает. Нет, правда, ну кому какая разница, знаю я чего-то или нет? Но в том-то и беда, что разницы буквально никакой, для них ведь главное в другом – в том, чтобы меня сцапать!..

В этот момент раздался знакомый улюлюкающий звонок – ну вот и делай после этого добро людям! На всякий случай мысленно держась рукой за ножку табуретки, я осторожно отодвинул щеколду и приоткрыл дверь.

Честно скажу – чего угодно ожидал, но вот только этих мне и не хватало. Передо мной стояли уже знакомые вам персонажи, можно даже сказать, властители моих дум ещё пару дней назад – те самые Кларисса и ненасытная её подруга Томочка. Им-то что понадобилось? А в придачу оказался ещё и некий субъект малопривлекательной наружности.

На голове – бейсболка, надо полагать, чтобы спрятать плешь. Загривок породистого пса... нет, скорее, уж быка-производителя. Толстые, плотоядные губы обрамлены колечком из густой щетины, тщательно ухоженной, как и полагается столь важному предмету на лице. В этом средоточии банальностей явно не к месту были красивые и печальные глаза, видимо, доставшиеся ему в наследство от мамы. Что-то подсказывало мне, будто это и есть небезызвестный Тамарин муженёк. Видимо, из дальних странствий возвратясь, обманутый супруг решил, само собой, по наущению Клариссы – кто бы сомневался! – поставить кои-какие точки над «и». Да мне-то что с того? Может, оно и так, да только я и говорю – мне-то к чему вся эта делегация?

Пускать или же не пускать? Вариантов наклёвывалось всего-то ничего, то есть в общем-то совсем немного – либо же сразу их спровадить, избрав в качестве надёжного аргумента табуретку, либо подождать, пока им самим это противостояние у чужих дверей не надоест. В сущности, сейчас только скандала мне и не хватало. А слышать наяву то самое, чем довелось давеча насладиться в Интернете – это я про томочкино-клариссину перебранку на виртуальном форуме – нет, опасаясь, как бы вполне благопристойное общение не завершилось вульгарным мордобоем. Я ведь на то, что они в юбках, не посмотрю – приложу так, что мало не покажется! Короче, пришлось сделать вид, будто я ничуть не удивлён тем, что они меня наконец-то разыскали. Любовь, или как там это у Тома называется, сама укажет верный путь, ну а мне суждено, как водится, строить самооборону. Поставив на пол табуретку, я вышел из квартиры и предусмотрительно захлопнул за собою дверь. Чтоб заставляя гостей ждать – это уж точно не в моих правилах.

– Сударыня, вот вы и вы! – я по очереди упёрся взглядом то в одну, то в другую посетительницу. – Боюсь показаться неучтивым, но никак не смогу сегодня вас принять.

Признаться, я и сам удивился тому, что только что сказал, настолько произнесённые мною слова оказались очень кстати. Всё выглядело так, будто я беседую со своими пациентками. Ну ясно же – кому, как не мне, полагалось знать, в чём обе подруги отчаянно нуждаются. Другое дело, что амбулаторно, без госпитализации такое вылечить нельзя, об этом даже я знаю.

– Это почему же? – возмущение Томочки выразилось в том, что она упрямо демонстрировала мне свою ощерившуюся пасть, забывая, что кусать-то ей пока что, по большому счёту, нечем.

– Как бы это вам подходчивее объяснить? Вот он, наверное, поймёт, – я ткнул пальцем в Николашу. – В общем, я сегодня не один, и полагаю, что вмешательство в мою личную жизнь будет в данных обстоятельствах не вполне уместным.

Хорошо, что я догадался обозначить довольно приличную дистанцию между собой и незваными гостями, иначе наверняка не миновать Тамариных когтей. Николаша ощущал себя явно не в своей тарелке, в то время как Кларисса незаметно для Тома ухмылялась, делая вид, что поправляет свалившийся на лицо казацкий чуб.

По правде говоря, я готовился к тому, что вот ко мне приходит некто в штатском, вооружённый огромным пистолетом, и под прикрытием накаченных бойцов в армейском камуфляже начинает мне давить на психику в намерении взять для чего-то на испуг. Ситуация, что называется, чревата, но всё же нельзя сказать, что совершенно безнадёжная – у нас, у мужиков, всегда есть возможность так или иначе столкнуться. Ну а с бабами о чём мне говорить?

И тут неожиданно вперёд выдвинулся Николаша:

– Мне очень неприятно. Но есть основания предполагать, что в вашей квартире скрывается некая особа, – Николаша замялся, покосившись на Клариссин чуб, и после паузы продолжил: – Второй день уже, как нет от неё никаких известий, а подозрения у нас на этот счёт возникают очень нехорошие. Вот ведь и вы сами признаёте, что у вас в квартире дама. А ну как найдут её тут без документов, без одежды? Сами понимаете, какой может произойти конфуз.

Отдавая должное фундаментальному образованию Томочкиного мужа, хотя бы и прерванному на половине долгого пути по причине нездоровья, я вынужден был признать, что мало-мальски доступной логики в его словах даже теперь не ночевало. Видимо, на способе мышления сказалось длительное отлучение от интеллектуального сообщества в период отсидки в хабаровском СИЗО, а также в глубинах мирового океана, если только припомнить нынешнюю Николашину профессию. Не исключаю также – пожалуй, так оно и есть – что Николаша по рождению просто-напросто болван! Ну в самом деле, симпатичная леди, да ещё и без одежды – это же самое оно! Нет уж, ему этого явно не понять, а потому и незачем тратить время на пустые объяснения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.